

УДК 94(436+438+470+477+478+342.1+39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/2

Василий Кельсиев (1835–1872): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях «ренегата» и патриота

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Василий Иванович Кельсиев (16(28).06.1835–2(14).10.1872) – общественный деятель, раскаявшийся революционер, бывший политический эмигрант, бывший сотрудник Вольной русской типографии А. Герцена в Лондоне, писатель, журналист, переводчик, историк, этнограф. Происходил из обедневшего дворянского рода. В 1855 г. закончил Петербургское коммерческое училище. После смерти отца в 1852 г. обучение профинансировала Российско-американская компания. Затем ему было предложено изучить китайский и маньчжурский языки. Он стал в 1855–1857 гг. вольнослушателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Обучение тоже оплатила компания. Во время обучения проникся либеральными идеями. В 1858 г. В. Кельсиев был командирован Российско-американской компанией на Аляску. Он отправился туда вместе с женой. В мае из-за шторма корабль был вынужден остановиться в Плимуте, где у супруги открылось сильное кровотечение после родов. Ребёнок тоже был болен. Из-за этого он взял отпуск, а потом ушёл из компании и переехал с семьёй в Лондон. Дочь спасти не удалось. В. Кельсиев объявил себя политическим эмигрантом и стал сотрудничать с А. Герценом и Н. Огарёвым. Он пытался привлечь старообрядцев к борьбе с самодержавием. В Лондоне издал «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (1860–1862. Вып. 4). В марте–апреле 1862 г. В. Кельсиев нелегально по турецкому паспорту приезжал в Россию, где контактировал с представителями революционных кружков и лидерами раскольников в Москве. Когда летом 1862 г. в Санкт-Петербурге начался процесс по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропа-

гандистами» («Дело 32-х»), следствие затребовало Кельсиева. Он не явился. Его приговорили к изгнанию из России и лишению всех прав состояния. С октября 1862 г. по декабрь 1863 г. В. Кельсиев жил в Константинополе (Стамбуле), стараясь объединить антиправительственные силы. Польское восстание 1863 г. заставило его начать пересматривать свои убеждения. В декабре 1863 г. в поселении казаков-некрасовцев в Тульче (Добруджа) его избрали атаманом. Но пропагандистская работа среди старообрядцев потерпела крах. В апреле 1865 г. он с семьёй перебрался в Галац (Румыния). Здесь во время эпидемии холеры умерли его малолетние дети и жена. Весной 1866 г. он прибыл в Вену, где жил около полугода. Он путешествует по Венгрии и Галиции, отправляет путевые очерки, материалы по этнографии и мифологии славян в русские издания. 7 ноября 1866 г. он приезжает в Яссы. 19 мая 1867 г. В. Кельсиев прибыл на российский таможенный пункт в Бессарабии и сдался властям. Находясь под арестом, написал «Исповедь» (13 июня – 11 июля 1867 г.), в которой отрёкся от своей революционной деятельности и попросил у императора помилование. В. Кельсиеву было возвращено право поступать на государственную службу и возможность жить в обеих столицах. Дальнейшая судьба его была тяжёлой. Раскаяние и переход в проправительственный лагерь вызвали двоякую реакцию. Либералы осуждали его как отступника и безнравственного человека, нередко излишне критично и субъективно оценивая его литературные труды. На государственную службу его не приняли. В. Кельсиев смог зарабатывать на жизнь только литературным трудом. В 1868 г. он выпустил книги «Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева» и «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева». В 1870–1872 гг. Кельсиев помещает в «Ниве» и «Семейных вечерах» ряд исторических очерков. Здоровье его было подорвано тяжёлой жизнью в эмиграции и потрясением от потери близких. Планы, которые он строил после возвращения в Россию, не осуществились. В последний год жизни В. Кельсиев предавался апатии. Умер он от паралича сердца. В ряде работ В. Кельсиев поднимает темы Карпатской Руси, русинов и унии, даёт этнографическое описание русинов и общественно-политической ситуации в Галичине, критикует украинофильство. Некоторые его мысли, выводы и предложения не утратили свой злободневности и в настоящее время.

Ключевые слова: Владимир Кельсиев, писатель, этнограф, публицист, русин, руснак, уния, украинофильство, Галичина, Буковина

Vasily Kelsiev (1835–1872): Life, works, and the Rusin theme in the oeuvre of a “renegade” and patriot

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Vasily Ivanovich Kelsiev (June 16 [28], 1835 – October 2 [14], 1872) was a public figure, a repentant revolutionary, a former political émigré, a former employee of Alexander Herzen's Free Russian Press in London, writer, journalist, translator, historian, and ethnographer. He came from an impoverished noble family. In 1855, he graduated from the St. Petersburg Commercial School. After his father's death in 1852, his studies were funded by the Russian-American Company. He was subsequently offered the opportunity to study Chinese and Manchu, becoming an auditor at the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University from 1855 to 1857, with his tuition again covered by the Company. During this period, he became influenced by liberal ideas. In 1858, Kelsiev was dispatched by the Russian-American Company to Alaska, accompanied by his wife. In May, their ship was forced to dock in Plymouth due to a storm, where his wife suffered a severe postpartum hemorrhage and their child also fell ill. Consequently, he took a leave of absence, subsequently resigned from the Company, and relocated with his family to London. Their daughter could not be saved. In London, Kelsiev declared himself a political émigré and began collaborating with Alexander Herzen and Nikolay P. Ogaryov. He attempted to engage Old Believers in the struggle against the autocracy and published the *Collection of Government Reports on the Schismatics* (1860–1862, 4 vols). In March–April 1862, Kelsiev illegally entered Russia on a Turkish passport, making contact with members of revolutionary circles and leaders of the schismatics in Moscow. When the trial of “the case of persons accused of liaising with London propagandists” (the “Case of the 32”) began in St. Petersburg in the summer of 1862, the investigation summoned Kelsiev. He failed to appear and was sentenced in absentia to exile from Russia and the deprivation of all rights of his estate. From October 1862 to December 1863, Kelsiev lived in Constantinople (Istanbul), striving to unite anti-government forces. The Polish Uprising of 1863, however, prompted a reassessment of his convictions. In

December 1863, he was elected ataman by a community of Nekrasov Cossacks in Tulcea (Dobruja), but his propaganda work among the Old Believers ultimately failed. In April 1865, he moved with his family to Galati (Romania), where his young children and wife died during a cholera epidemic. In the spring of 1866, he arrived in Vienna, residing there for approximately six months. He traveled through Hungary and Galicia, sending travel essays along with materials on Slavic ethnography and mythology to Russian publications. On May 19, 1867, Kelsiev arrived at a Russian customs post in Bessarabia and surrendered to the authorities. While under arrest, he wrote his "Confession" (June 13 – July 11, 1867), in which he renounced his revolutionary activities and petitioned the Emperor for a pardon. His rights to enter state service and to live in both Russian capitals were restored. His subsequent fate was difficult. His repentance and transition to the pro-government camp elicited an ambivalent reaction. He was criticized by liberals as an apostate and an immoral man, and his literary works were often assessed with excessive criticism and subjectivity. He was not accepted into state service and could earn a living only through literary work. In 1868, he published the books *What I Have Lived Through and Reconsidered: The Memoirs of Vasily Kelsiev* and *Galicia and Moldavia: The Travel Letters of Vasily Kelsiev*. From 1870 to 1872, he published a series of historical essays in the journals *Niva* and *Family Evenings*. His health had been undermined by the hardships of emigration and the trauma of losing his family. The plans he had made upon returning to Russia failed to materialize, and he began to drink heavily. In the last year of his life, he was overcome by apathy and died of cardiac paralysis. In a number of his works, Kelsiev addresses themes of Carpathian Rus', the Rusins, and the Union; provides an ethnographic description of the Rusins and the socio-political situation in Galicia; and criticizes Ukrainophilia. Some of his ideas, conclusions, and proposals remain relevant to this day.

Keywords: Vasily Kelsiev, writer, ethnographer, journalist, Rusin, Rusnak, Church Union, Ukrainophilia, Galicia, Bukovina

Василий Иванович Кельсиев родился 16 (28) июня 1835 г. в Санкт-Петербурге в бедной дворянской семье старшего помощника пакгаузного надзирателя петербургской таможни. Дед его был канцелярским служащим в Шацке. Отец умер в 1852 г. [2: 366; 12: 427; 30: 256; 37: 526]. У него был братья Иван (1841–1864), Александр (1846–1885), русский антрополог, хранитель Московского Политехнического музея) и сестра Мария (умерла в Москве в 1862 г.). С сестрой они выросли вместе, играли в детстве, он её очень любил и называл Малушей. В. Кельсиев так же потом звал и свою дочь Марию [4: 668; 14: 174; 15: 292; 29; 37: 526; 52].

В. Кельсиев писал: «...в нашем доме строго соблюдались все постановления и обычаи церкви. Посты никогда и ни в каком случае

не нарушались, углы были уставлены иконами, перед которыми теплились неугасимые лампы, в церковь мы ходили, как следует, чуть что не каждый день, молебны и водосвятья совершались у нас в большие праздники, – я был искренно православным, насколько то было возможно при моем возрасте, но училище сделало меня атеистом» [15: 179].

По легенде, род Кельсиев происходил от мордовских аульных князей. Его прадед князь Ютмек Кельсий принял подданство России при Екатерине II. Его потомок не захотел разыскивать бумаги на наследственный титул и стал называться просто Кельсиевым (по другой версии, его род имеет кавказское происхождение. – С.С.) [28: 609; 32: 481].

По описанию одного из современников В. Кельсиева, «одарённый от природы сангвиническим темпераментом, он и в наружности, и в привычках много выдавал азиатского. Курчавые с лоском волосы; маслянистые, с грустным оттенком глаза; выдающиеся в лице скулы и мягкий, гортанный голос, с прибавкой к этому постоянной наклонности к восточному кейфу и мусульманскому фатализму, – все говорило в нем не за холодную кровь. Пристрастившись ещё с раннего детства к чтению книг, но не имея дельного руководителя в выборе их и с жадностью напад на те пикантные и вредные романы, которыми в 40-х годах иностранные писатели и русские переводчики эксплуатировали юные и горячие головы, – Кельсиев, под диктовку их, рядил себя попеременно то в альмавиву Ринальдини, то в колет мушкетёра, то в компании Плика и Плока пиратствовал в водах океана. Распалённая фантазия, действовавшая под такт горячего пульса, постоянно рисовала ему жизнь при бенгальском огне, и, волнуя неокрепший ещё мозг и формирующиеся страсти, – постоянно ставила его на ходули с риском при первом faux pas свернуть себе шею. Отрезвить, расхолодить, уговорить бедного юношу было некому: оставшись смолodu без домашнего кровного регулятора, не опекаемый, а чаще распекаемый теми, от кого он зависел и которых поэтому чаще всех бежал, он в ту опасную пору, когда складываются ум, характер и воззрения на жизнь и выбирается торная, испробованная опытом дорога будущей деятельности, строил воздушные замки, или мчался от одной мечты к другой. К счастью, он вскоре был определен в коммерческое училище, где и пробыл около 10 лет. Правильный метод образования и полный надзор за образом мыслей повлияли на него благотворительно» [32: 481–482].

Первоначальное образование мальчик получил в частном пансионе. Закончил Петербургское коммерческое училище (1845–1855) с чином 15-го класса, куда его отдал отец в 10 лет. До смерти отца содержался в пансионе за его счёт. По ходатайству матери, после смерти

отца его обучение оплатила Российско-американская компания (по другой версии – само училище. – С.С.). В. Кельсиев дал обязательство после окончания училища прослужить определённое количество лет в колониях компании. В то время расширялась торговля с Китаем и В. Кельсиеву было предложено изучать китайский и маньчжурский языки. Он стал в 1855–1857 гг. вольнослушателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Обучение также оплатила Российско-американская компания. Одновременно он служил в этой компании, переводя коммерческую корреспонденцию с английского и немецкого языков, получая за это 25 руб. в месяц. В начале Крымской войны, под влиянием патриотических настроений, охвативших всю Россию, подал прошение о принятии его на военную службу. Он мечтал стать юнкером, офицером. Однако, когда вышло предписание всех вольноопределяющихся новичков оставить в резерве, он разорвал своё прошение. В. Кельсиев продолжил изучать языки и китайскую философию. Здесь он добился больших успехов. Впоследствии он знал до 25 языков и наречий, на 14 мог говорить [4: 668; 19: 273–276; 28: 609–610; 30: 256–257; 37: 526]..

Говоря о том, что он «был захвачен тем оппозиционным движением умов, которое началось у нас вследствие неудач крымской кампании», В. Кельсиев упомянул и другую причину «увлечения молодёжи социализмом и атеизмом». Она, по его мнению, «лежала в весьма плохом устройстве тогдашних средних и высших учебных заведений, в которых учили всему на свете и ничему не выучивали» [15: 177–178]. Он вспоминал, что в училище «о посте в среду и в пятницу я даже забыл», «иконы, которые я так любил и уважал, были в комнатах училища крохотные, загаженные мухами; молитвы перед учением и после учения исправлялись только очевидно для формы. Закон Божий преподавался точно неизбежная излишность. Ничто не дышало тем тихим, ясным, всепрощающим духом христианства, как в английских, в галицких школах. Воспитателей (гувернёров) было у нас восемь человек – и из них только двое русских, а впоследствии даже один. Инспектор и директор также были не православные, – мы смотрели на них, как на развитейших людей и догадывались, что развитие и православие, наука и наша вера не ладят между собою. О вере с нами говорил только законоучитель, да и то раз в неделю, а воспитатели иноверцы невольно должны были обходить молчанием эти вопросы. К этому мы узнавали невольно, что на Западе люди и умнее, и лучше нас, что оттуда идут в Россию все истины науки и все правила общежития, – вывод был ясен и неизбежен». Позже В. Кельсиев пришёл к заключению, что «в настоящее время вопрос о поддержке православия становится в высшей степени важным, в

виду усиленной деятельности против него и против самого раскола иностранных пропагандистов, которые, как мне кажется, скоро возьмут верх» [15: 179–180].

Его затронуло «брожение пятидесятих годов», сильное в тех кружках молодёжи, которые он посещал. В «Пережитом и передуманном» В. Кельсиев вспоминал, что «вдруг, ни с того, ни с сего – кто не помнит этого времени – наша молодёжь, и даже не одна молодёжь, восчувствовала какой-то злой восторг от наших крымских неудач». Во время учёбы он сблизился с будущим революционером А.И. Ничипоренко, Н.А. Добролюбовым и братьями В.С. и Н.С. Курочкиными. Вероятно, он участвовал в добролюбовском кружке в Главном педагогическом институте [2: 366; 19: 278–279; 28: 610; 32: 482; 37: 526]. Н. Добролюбов, бывший в 1856–1856 гг. в то время студентом старших курсов Главного педагогического института, писал в своём дневнике о В. Кельсиеве: «Это человек серьёзно мыслящий, с сильной душой, с жаждой деятельности, очень развитый разнообразным чтением и глубоким размышлением... Он не пугается отвлечённых вопросов, но берет их, не разобшая с жизнью. Одно, что мне в нем не нравится, это излишняя прихотливость в отношении к собственной жизни. Может быть, впрочем, что и это в нём есть следствие внутренних сил, которые ищут себе выхода и рвутся в разные стороны» [30: 257].

В 1858 г. В. Кельсиев был командирован Российско-американской компанией в качестве старшего помощника бухгалтера на Аляску в г. Новоархангельск (ныне Ситка). Он отправился туда вместе с женой Варварой Тимофеевной (урождённой Щербаковой). Из-за шторма корабль был вынужден остановиться в Плимуте (Англия), где у супруги открылось сильное кровотечение после родов. В связи с этим он взял отпуск у Российской-американской компании на шесть месяцев. В мае 1859 г. он приехал в Лондон, где сближается с А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. Как вспоминал В. Кельсиев, «когда я приехал в Лондон, я застал Герцена во всём блеске его славы и авторитета¹. Через два года влияние его стало ослабевать, через три года звезда его окончательно померкла» [2: 366; 12: 427; 15: 176, 180; 28: 610; 36: 159; 37: 526].

Он приехал в Лондон с больными ребёнком и женой. Доктора посоветовали вывезти жену на лето в Германию, для чего нужен был паспорт, но он с семьёй был вынужден остаться в Лондоне на всё лето, т. к. не пришёл паспорт из Петербурга. Ребёнку становилось хуже, жена тоже не оправилась от болезни. Наступила осень, отпуск заканчивался. В. Кельсиев должен был ехать в Америку. Он подал прошение на ещё один отпуск на полгода. Ему отказали. Компания предложила либо немедленно ехать, либо уволиться, оплатив все

произведённые на него расходы. В. Кельсиев отдал в распоряжение компании всю свою недвижимость, и попросил, что, если продажа его библиотеки и вещей не покроет долга, то он готов принять меры, чтобы его полностью погасить. Ответ В. Кельсиев не получил. Сам он считал, что причиной этого было то, что он объявил себя политическим эмигрантом. О судьбе семейных бумаг, которые были в его вещах, он так и не узнал. В ноябре В. Кельсиев пошёл в Генеральное Российское консульство и заявил об отказе от карьеры, разрыве всех связей со своим отечеством, родными и близкими [15: 176].

Позже В. Кельсиев так и не смог объяснить причину своего поступка. В «Исповеди» он писал: «Причины, побудившие меня пойти в генеральное русское консульство в Лондоне и заявить, что я отказываюсь от своей карьеры, что порываю все связи с отечеством, с родными, с близкими, заключались в общем тогдашнем настроении русской молодёжи. Герцен и Огарёв долго и упорно уговаривали меня отказаться от моего намерения, – но дух времени сильнее здравого смысла: я остался в Лондоне против их желания, без определенной цели, без выясненной задачи. “Работать нужно, пропагандировать нужно, это священный долг современного русского”, твердил я себе. Мне тогда было 24 года, Россию я видел только от Петербурга до Новгорода, да и то мельком, жизнь я вёл в Петербурге кабинетную; сведения и теории мои были почерпнуты из книжек и из рассказов таких же юношей, каким я тогда был; занятия мои состояли в изучении китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского, санскритского языков, да наречий наших финских племён, а лингвистика, разумеется, плохо могла содействовать знанию действительной жизни и общественных отношений. Я даже и общества тогда избегал по крайней застенчивости моего характера: я был человек книжный, кабинетный, я даже в Америку ехал именно для изучения эскимосских и американских наречий, которые меня сильно интересовали, больше, чем заманчивая перспектива сделаться со временем русским консулом где-нибудь в Кантоне или в Шанхае. И вот вместо того, чтобы исполнить своё давнишнее намерение, побывать в русской Америке, повидать племена, живущие по берегам Тихого Океана, изучить их цивилизацию, языки, нравы, предания, верования, – мечта, которую я лелеял с 15-летнего возраста, – я все бросил, от всего отрёкся и сделался пропагандистом. А примирение с Американскою Компанией было возможно, – стоило только обождать выздоровления жены... Я ещё в Петербурге был захвачен тем оппозиционным движением умов, которое началось у нас вследствие неудач крымской кампании. Редкий кто из моих тогдашних сверстников не роптал на правительство; доверие к его способности и благонамеренности падало со дня на день, и молодёжь,

испуганная и оскорблённая за Россию, волей не волей напрягала все свои силы на изучение зла и на отыскание средств к спасению; России же тогда почти никто хорошо не знал, – она вся, со своим настоящим и прошедшим, была покрыта канцелярской тайной, для изучения её приходилось обращаться к рукописной литературе да к сочинениям об нас иностранцев, то есть к весьма плохим источникам. Но и эти скудные источники были тогда запрещены, что и давало им огромный вес в наших глазах. <...> Последствия были такие, каких и ожидать следовало. Все, что только исходило из правительственной среды, вперёд не пользовалось доверием; все, что заявляло себя против правительства и его действий, вперёд могло рассчитывать на сочувствие и доверие. Запрещённые книги неминуемо стали казаться тогда чуть не откровением свыше <...> Перед нами открывался новый мир, мир, пожалуй, фантастический, возможный только в теории, но неопиты всегда страстные охотники до теорий, а особенно до теорий, преследуемых властью. Возражать нам, вести с нами полемику, переубедить нас – никто не мог, потому что никто, или мало кто, заглядывал тогда в России в эти книги, потому что изучение этих теории было тогда крайне затруднительно, потому что даже литература не смела говорить о них. Как духовная цензура содействовала развитию у нас всяких религиозных сект, так политическая цензура вызвала, необходимым сделала возникновение той партии, которую впоследствии стали называть нигилистами. <...> “Русский человек”, говорят наши сектанты, “тем не похож на всех других, что он правды ищет” – и действительно, страсть к последовательности, к развитию каждого положения до *pes plus ultra*, довела простонародье до скопчества, до самосожигательства, до восторженности! – а гимназистов, семинаристов и студентов догнала до таких отрицаний, о каких Западу и во сне не снилось» [15: 176–177].

В «Пережитом и передуманном...» он написал: «Я сделался эмигрантом, потому что не мог им не сделаться. Не было ни малейшего повода отрезываться от России и идти в наше лондонское генеральное консульство и объявлять, что я не считаю себя более русским подданным. Никто меня не знал, ни во что не был и замешан, впереди мне предстояла довольно недурная карьера, совершенно подходящая к моей специальности ориенталиста, впереди неё было светло и даже завидно; но я все бросил; не только без всякой причины, не только без всякого толчка, но даже против советов и против убеждений самих редакторов “Колокола”. <...> Подробного отчёта дать себе я не мог, и в то же время не мог не сделаться эмигрантом, время такое было, таким воздухом пахло» [19: 246–248]. «Я пошёл в наше генеральное консульство добровольно заявить, что я эмигрант, потому что дух

времени был таков, потому что тогда ни я, ни Герцен, ни Огарёв, а вся Россия отыскивала на Западе разрешение всех загадок и отыскивала именно на Западе, потому, что все, что в России говорилось и что из России могло выйти, было загадочно» [19: 311–312].

А. Герцен так описывал В. Кельсиева: «Молодой, довольно высокий, худой, болезненный, с четвероугольным черепом, с шапкой волос на голове, он мне напоминал (не волосами – тот был плешив), а всем существом своим Энгельсона² – и действительно, он очень многим был похож на него. С первого взгляда можно было заметить много неустроенного и неустоявшегося, но ничего пошлого. Видно было, что он вышел на волю из всех опеки и крепостей, но ещё не приписался ни к какому делу и обществу – цеха не имел. Он был гораздо моложе Энгельсона, но все же принадлежал к позднейшей шеренге петрашевцев и имел часть их достоинств и все недостатки: учился всему на свете и ничему не научился дотла, читал всякую всячину и надо всем ломал довольно бесплодно голову. От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрёл никакой нити поведенья. Особенно оригинально было то, что в скептическом ощупывании Кельсиева сохранилась какая-то примесь мистических фантазий: он был нигилист с религиозными приёмами, нигилист в дьяконовском стихаре. Церковный оттенок, наречие и образность остались у него в форме, в языке, в слоге и придавали всей его жизни особый характер и особое единство, основанное на спайке противоположных металлов» [6: 330–331].

В Лондоне Кельсиев сблизился с русскими эмигрантами и польско-английским революционером А.И. Бенни³, принимал участие в работе Вольной русской типографии, печатался в газете «Колокол». По инициативе А. Герцена В. Кельсиев занялся собственным переводом Библии на русский язык. В день смерти своей дочери В. Кельсиев подписал контракт с издателем Трюбнером сначала на перевод «труднейшей» «Книги пророка Исаии» с вознаграждением всего 10 фунтов стерлингов (около 60 руб.). Затем он принялся за перевод «Пятикнижия Моисеева». Он вышел в апреле 1860 г. под псевдонимом Вадим. Позже и сам В. Кельсиев признал перевод неудачным. Однако это ускорило появление синодального перевода Священного Писания [2: 366–367; 15: 189; 27: 163; 37: 526].

По предложению Герцена Кельсиев издал в Лондоне «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (1860–1862. Вып. 4) [22–25], где были впервые опубликованы широко распространённые среди старообрядцев в XIX в. «Собрание от Святого Писания о антихристе и о последнем времени», фрагменты сочинений Евфимия, создателя согласия странников. Одним из первых Кельсиев пытался

обосновать взгляд на раскольников и сектантов как на потенциальную революционную силу. Во вступлении он высказал своё мнение о расколе: «Раскол был протестом не только против правительства, но и против церкви. Он заявил при самом своём рождении, что и правительство, и церковь должны быть народны, должны не вводить новых обычаев, не требуемых народом; и когда он был проклят собором и казнён в лице Никиты, стрельцов, соловецких бунтовщиков – он проклял правительство с его духовенством, ушёл в скиты и стал проповедовать ненависть к ненародным началам. Мы видим в истории великорусов постоянное стремление к независимости, которое поочерёдно выражалось то вечевым порядком, то удельной особенностью, то казачеством и, наконец, приняло форму раскола». Однако глубоких знаний о расколе у В. Кельсиева не было, тщательного изучения данного вопроса он не производил, его наблюдения были поверхностными и субъективными. В 1863 г. в Лондоне увидел свет подготовленное В. Кельсиевым «Собрание постановлений по части раскола» в двух книгах, не утратившее своё значение и в настоящее время [2: 366–367; 20: IV; 37: 526].

В марте–апреле 1862 г. В. Кельсиев нелегально по турецкому паспорту приезжал в Россию для упрочения контактов с революционными кружками и переговоров с руководителями раскола в Москве. Поддельный паспорт был оформлен с помощью нахичеванского купца-армянина при помощи его соотечественников в Константинополе (Стамбуле) на имя уроженца этого города Vasili Jani (Яни – греческое сокращение его отчества Иванов). В. Кельсиев не имел денег заплатить за паспорт. Он обратился за помощью к М.А. Бакунину, «великому мастеру собирать революционные контрибуции». Бакунин нашёл и сказал, что 300 руб. будут переданы в Санкт-Петербурге через А. Ничипоренко. Назвал Бакунин и имя дарителя, но В. Кельсиев, «признаться, на радостях тут же забыл его имя, не русское и очень мудрёное. Впрочем, оно должно быть в показаниях Ничипоренки⁴». Он встречался с единомышленниками Герцена, участвовал в заседаниях революционного кружка Бенни и Ничипоренко, выпускавшего в собственной типографии прокламации «Русская правда». Кельсиев пытался распространять прокламации среди старообрядцев, искал среди них союзников, но быстро убедился в несбыточности надежд на их революционность. В июле 1862 г. в Санкт-Петербурге начался процесс по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» («Дело 32-х»), в ходе которого стало известно о недавнем пребывании Кельсиева в России. В декабре 1862 г. его затребовали на следствие. Он не явился. 10 декабря 1864 г. сенат приговорил его к изгнанию из России и лишению всех прав состояния.

30 марта 1865 г. приговор утвердил император [2: 367; 15: 211–233; 27: 163; 36: 161; 37: 526].

В «Колоколе» была опубликована только одна его статья «Гонение на крымских татар» (1861. 22 декабря), написанная на основе записки Э.И. Тотлебена о распоряжениях русской администрации в Крыму в 1854–1860 гг. По возвращении из России в 1862 г. он работал вместе с Герценом и Огарёвым над первыми номерами новой газеты «Общее вече»⁵, приложения к «Колоколу». В. Кельсиев пытался использовать её для агитации среди старообрядцев, пытаясь задействовать их и сектантов в революционном движении. В 1863 г. Пафнутий (Овчинников), епископ Белокриницкой иерархии, после встречи с А. Герценом, Н. Огарёвым, В. Кельсиевым и другими революционерами в Лондоне, запретил пастве контактировать «с этими безбожниками» [2: 367; 15: 244; 36: 161; 37: 526]. Как вспоминал В. Кельсиев, «над названием газеты долго думал Огарёв и, наконец, придумал: «“Общее вече”. <...> Меня часто потом спрашивали старообрядцы, что значит слово “вече”? – а мы в Лондоне и не знали, что у них совершенно забыты удельные времена!». В. Кельсиев писал, что язык, направление и содержание «Колокола» «недоступны простому народу, упрямый Огарёв стоял на своём – пришлось покориться, да и отказаться от помещения богословских полемических статей». Половина статей В. Кельсиева «была забракована. Статьи самих старообрядцев догматического содержания – тоже не прошли цензуры. Первый номер вышел бесцветным». Во втором номере В. Кельсиев уже не участвовал [15: 244; 36: 161–162].

Неудачная поездка в Россию заставила В. Кельсиева, как он писал в «Исповеди», поехать «в Турцию и в Дунайские Княжества, где живёт огромное множество русских, и откуда я надеялся устроить сношения с Петербургом и с Москвой». Перед этим, в конце августа 1862 г., он посетил Париж, «чтобы собрать кое-какие предварительные сведения» о том, что его там ожидает. У поляков, как он писал, «были сношения с черкесами и старообрядцами, нужно было узнать, в чём они состоят и нельзя ли воспользоваться ими для успеха нашего, тогда уже революционного, дела». Здесь он встречался с польскими эмигрантами, в частности с полковником В. Иорданом, представителем «партии» А. Чарторыйского. Агентом А. Чарторыйского на Востоке был «молодой бердичевский помещик, русский по происхождению, униат по вере, литератор фантаст, Михаил Чайковский»⁶ [15: 253–255].

С октября 1862 г. по декабрь 1863 г. В. Кельсиев жил в Константинополе, где попытался объединить антиправительственные силы. Здесь в 1863 г. он выпустил прокламацию на церковно-славянском языке «Слоучная пора приходит...» (газета «България», Стамбул, 1863 г.,

4 марта). Именно в Константинополе В. Кельсиев тесно сошёлся с польскими эмигрантами, в т. ч. с упомянутым М. Чайковским (принявшим в Турции имя Садык-паша), познакомился со старообрядцами, в частности с Осипом (Иосифом) Гончаровым (Гончаром)⁷, которого охарактеризовал, как «замечательного человека». По его словам, это был «человек удивительно деятельный, трезвый, бескорыстный, он всецело предан интересам старообрядчества и ценит все события мира по их выгоды и невыгоды для его церкви». Однако, как позже признал сам В. Кельсиев, ни с черкесами, а позже и со старообрядцами ничего не получилось [15: 254, 264; 28: 610; 36: 162; 37: 526].

В июле 1863 г. в Константинополь приехал его брат Иван, член «Земли и Воли», сбежавший в Москве из-под ареста, а в августе – жена Варвара Тимофеевна с дочерью Марией (Малушей). Из писем к Герцену и Огарёву, написанных в 1863 г., видны его сомнения в правильности революционной борьбы и симпатии к славянофильству [36: 162–163]. Сам В. Кельсиев писал: «Прощанье с Царегородом, в декабре 1863 года, было разрывом с противоправительственной деятельностью, как прощанье с Яссами, в мае 1867 года, было разрывом с эмиграционной жизнью». И далее: «С этих пор я ничего не замышлял и не предпринимал против правительства» [15: 271].

Польское восстание стало для него, как и для Всеволода Крестовского [45: 30–31], тем рубиконом, который изменил его убеждения: «От агитаторства, от всего того, что можно характеризовать общим, хотя не совсем верным, названием революционерства, я был вынужден отречься ещё в Царегороде, в 1862–63 г., когда ход польского восстания и падение наших, так называемых нигилистов, сильно потрясли во мне веру в осуществимость наших идеалов, а близкое столкновение с политическими деятелями и с народом раскрыло мне с беспощадной ясностью невежество одних и неподготовленность других. Ложь стала так ясна, что всякая практическая деятельность под прежним знаменем оказалась для меня невозможной: проповедовать то, чему не веруешь, строить то, чего очевидно нельзя было построить, – было противно, было выше моих сил. Возвратиться в Россию тогда не было возможности: во-первых, меня ожидала бы каторга, а во-вторых, у меня была на плечах семья, которой я был единственной опорой и поддержкой» [19: 4–5].

В. Кельсиев принял предложение Садык-паши стать «казацким головою (казал-баши), атаманом в Добрудже, за пять турецких лир в месяц (почти 30 р. сер.)». Он «с радостью ухватился за эту должность, которая меня спасала от нищеты и давала мне возможность жить все-таки между русскими, изучить наше простонародье и быть ему полезным». В декабре 1863 г. в поселении казаков-некрасовцев

в Тульче (Добруджа) он был избран атаманом. Братья Кельсиевы распространяли среди колонистов издания Герцена, прокламации «Земли и воли» [3: 911–912; 15: 269; 37: 526].

Вскоре митрополит Белокриницкий Кирилл (Тимофеев) запретил своей пастве общаться с В. Кельсиевым, также у него появились разногласия с атаманом И. Гончаровым. В июне 1864 г. умер от тифа его брат И. Кельсиев. 17 декабря 1864 г. В. Кельсиев в письме Д.В. Аверкиеву пишет о разочаровании в нигилизме и желании печататься в русских журналах. В апреле 1865 г. он с семьёй перебрался в Галац (Румыния). Здесь В. Кельсиев перебивался разными работами, затем получил место «контролёра подрядчика при мощении двух улиц». Во время эпидемии холеры умерли его малолетние дети, сын и дочь «лет пяти, красавица собой, умная и добрая, как её мать». Вскоре скончалась жена [2: 367; 15: 289–290; 37: 526].

Весной 1866 г. В. Кельсиев покинул Галац и прибыл в Вену, где жил около полугода. Здесь он занимается публицистической деятельностью. Пишет в русские журналы и газеты: «Голос» (под псевдонимом И. Ж.), «Петербургские ведомости» (Казакли), «Русский вестник» (Иванов-Желудков (Желудков – девичья фамилия его матери. – С.С.)), «Отечественные записки» (Приславлев). В Вене В. Кельсиев посещал лекции по старославянскому и авестийскому языкам и санскриту. Свободное время он проводил в Императорской библиотеке, изучая «славянские сказки, песни, древнюю историю славянства и народные обычаи»⁸. В Вене он прекратил переписку с А. Герценом. В. Кельсиев вступил в «Славянский клуб», познакомился с ядром его членов, в основном с галицкими русскими⁹. Он путешествует по Венгрии и Галиции, пишет путевые очерки, материалы по этнографии и мифологии славян в русские газеты и журналы. Автор так объяснил причину своей поездки в Галичину: «С правительством я совершенно примирился и несколько раз порывался просить у Государя помилования, но меня удерживал польский вопрос. Что мне ни говорили галичане, какие ужасы они не рассказывали про поляков, мне все как-то не верилось, потому что между эмигрантами я много слышался о любви народа к шляхте, об участии мужиков в повстании и никак не мог согласить их рассказов с известиями наших газет и с тем, что слышал от галичан. Если эмигранты были правы и, если Польша возможна, может быть, безвредна для нашего Западного края, тогда наше правительство, разумеется, неправое, и тогда примирение моё с ним было бы невозможно: нельзя же было б обманывать его на счёт своего образа мнений. Долго я ломал голову над этой дилеммой, пока не решился исполнить просьбу моих приятелей галичан – объездить и описать их край». И далее: «Итак – второй раз в жизни пришлось

мне переродиться. Цареград, бывшая столица Восточной Римской империи заставила меня покинуть борьбу против правительства; Вена, бывшая столица Западной Римской империи сделала меня бойцом за него». Из Галиции он был выслан австрийской полицией, которая приняла его за русского шпиона [2: 367; 9: 212–213; 15: 294–303; 27: 163; 37: 526].

Заподозрив в В. Кельсиеве российского агента, австрийские власти депортировали его в Молдавию. 7 ноября 1866 г. он приезжает в Яссы, где безвыездно живёт до возвращения в Россию. В «Исповеди» он писал: «сама Молдавия имела для меня интерес в научном и в политическом отношении. Изучение её этнографии и древностей необходимо для пояснения многих тёмных вопросов в истории славянства, а соседство её с Россией возлагает на нас обязанность следить за её общественным настроением: к нам она тянет, к Франции или к Австрии? Тишина и непривлекательность яесской жизни, казалось, гарантировали мне успешное окончание моего “Путешествия по Галичине” и опровержение учений Духинского, имеющих такое колоссальное влияние на действия против нас поляков и на отношения к нам Западной Европы. Вступить в борьбу с ним я чувствовал себя в силах, благодаря моему близкому знакомству с славянским бытом, языками, преданиями, летописями, а также и знанию восточных языков и цивилизаций, сект, вер, физического отличия урало-алтайского племени от индо-европейского и т. д.» [15: 303].

19 мая 1867 г. В. Кельсиев выехал из Ясс, прибыл на российский таможенный пункт в Скулянах (Бессарабия) и сдался властям. К «неосужденному государственному преступнику» отнеслись очень благожелательно. К примеру, в Бельцах исправник Леонарди оставил его в собственной квартире, т. к. в Кишинёв ехать было поздно. 21 мая где-то в 23 часа он «под конвоем канцелярского Малкоча и пожарного солдата» прибыл в Кишинёв. Его сразу же принял бессарабский губернатор П.А. Антонович. Так как вопрос об отправке в III Отделение, куда хотел попасть В. Кельсиев, решить было невозможно без указания генерал-губернатора (речь идёт о генерал-губернаторе Новороссии и Бессарабии генерале от инфантерии графе П.Е. Коцебу. – С.С.), то ему пришлось со вторника 22 мая побыть в тюремном замке. Там В. Кельсиеву выдали бумагу, и он в среду написал письмо графу Шувалову. В четверг 24 мая министр внутренних дел «вытребовал» В. Кельсиева «телеграфной депешей» в Петербург [15: 307–309]. Сдача В. Кельсиева правительству была первым случаем открытого перехода «революционера» в правительственный лагерь. В «Современном листе» (приложение к журналу «Странник») его возвращение сравнивалось с возвращением в Россию бывшего

иезуита С.С. Джунковского, «воссоединившегося с православием» и вернувшегося в 1866 г. в Россию [30: 253].

Находясь под арестом в столице, В. Кельсиев написал «Исповедь» (13 июня – 11 июля 1867), в которой отрёкся от революционной деятельности, подробно объяснив причины своего решения. В ней он постарался избежать упоминания лиц и событий, неизвестных правительству. В конце «Исповеди» В. Кельсиев обратился к императору: «Исповедь моя кончена, прибавить к ней нечего. Я не скрыл ни одного проступка, не смягчил фактов, я объяснил все, что было. Если правительство сомневается в моей искренности, – проверка моих показаний докажет, что я писал правду. Моя прошлая жизнь теперь известна правительству, равно и мои мнения и взгляды, – я ничего не утаил и показал ему себя без маски, таким, каким сделала меня моя странная жизнь. Я объяснил ему мотивы всех моих поступков, я сделал критику их, и указал, чем хочу и могу загладить увлечения моего прошлого. Государь, нравственными страданиями и дорогими мне потерями искупил я все, что предпринимал против Вас, я страшно наказан; у меня теперь одно стремление – посвятить жизнь

мою и силы мои Вам, посвятить их всецело на службу России. Не оттолкните же, Государь, от ступеней престола Вашего, некогда крамольного, а теперь искренно преданного Вам подданного, и прикажите мне быть Вам полезным. Как стрелец с плахой на шее, так я с повинной, головой Вам сдался, повинную голову меч не сечёт – дайте же мне возможность отслужить Вам за Ваше помилование. В надежде на Вашу милость, Го-

Василий Иванович Кельсиев

Рис. Волковский, грав. Пуч. Источник: [32: 481]

сударь, преступный Кельсиев ждёт покорно своего приговора» [2: 367; 15: 309–310; 27: 163; 37: 526].

Император Александр II прочитал «Исповедь» и даровал автору прощение. Кельсиеву было возвращено право поступать на государственную службу и возможность жить в обеих столицах. Император считал, что В. Кельсиев «по своим познаниям, знакомству с делами о расколе, об униатах, о западных и южных славянах, действительно, может быть с пользою употреблён правительством». 11 сентября 1867 г. публицист вышел из тюрьмы и обосновался в Санкт-Петербурге [2: 367; 27: 163; 30: 259; 37: 526].

Возвращению В. Кельсиева А. Герцен посвятил статью «В.И. Кельсиев» (1868). Вначале он высказал свою точку зрения на его поступок: «Имя В. Кельсиева приобрело в последнее время печальную известность: быстрота внутренней и скорость внешней перемены, удачность раскаяния, неотлагаемая потребность всенародной исповеди и её странная усечённость, бестактность рассказа, неуместная смешливость рядом с неприличной в кающемся и прощённом развязностью – все это, при непривычке нашего общества к крутым и гласным превращениям, вооружило против него лучшую часть нашей журналистики. Кельсиеву хотелось во что бы ни стало занимать собою публику; он и накопился на видное место мишени, в которую каждый бросает камень, не жалея. Я далёк от того, чтоб порицать нетерпимость, которую показала в этом случае наша дремлющая литература. Негодование это свидетельствует о том, что много свежих, неиспорченных сил уцелели у нас, несмотря на черную полосу нравственной неурядицы и безнравственного слова. Негодование, опрокинувшееся на Кельсиева, – то самое, которое некогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворения и отвернулось от Гоголя за его “Переписку с друзьями”. Бросать в Кельсиева камнем лишнее: в него и так брошена целая мостовая. Я хочу передать другим и напомнить ему, каким он явился к нам в Лондон и каким уехал во второй раз в Турцию. Пусть он сравнит самые тяжёлые минуты тогдашней жизни с лучшими своей теперичной карьеры» [6: 329].

Советский литературовед и историк, участник революционного движения М.М. Клевенский утверждал, что «после Кельсиева немало революционеров отрёклось от своего прошлого и перешло в лагерь самодержавия. Почти для всех этих ренегатов характерно то, что после своего обращения они отзывались с резкой враждебностью о своих прежних товарищах и руководителях по революционному делу» [30: 254–255].

После возвращения в Россию В. Кельсиев думал, что его опыт и знания будут востребованы государством. Он хотел стать посредником

между правительством и революционной средой. Предлагал свои услуги, чтобы вернуть на Кавказ некрасовцев, хотел основать газету «Восток», «с русским, патриотическим направлением». В мае 1869 г. В. Кельсиев говорил профессору А.В. Никитенко, что в поисках куска хлеба собирается поехать в Америку читать там лекции о России. В феврале 1870 г. председатель следственной комиссии, которая допрашивала В. Кельсиева в 1867 г., граф П.П. Ланской узнал о его тяжёлом материальном положении, что его не принимают на государственную службу и отказывают в разрешении издавать газету. Он обратился к министру внутренних дел, рекомендовав В. Кельсиева как благонадёжного человека и специалиста по расколу и униатству, предлагая взять его на службу в Министерство. Однако обращение осталось без ответа [30: 260; 37: 526].

Дальнейшая судьба В. Кельсиева была тяжёлой. Его раскаяние и переход в проправительственный лагерь вызвали двоякую реакцию. Представители проправительственных кругов отнеслись к его поступку положительно, либеральные круги устроили ему обструкции. Реакцию последних предсказал Ф.М. Достоевский в письме к А.Н. Майкову 9 (21) октября 1867 г.: «Об Кельсиеве с умилением прочёл. Вот дорога, вот истина, вот дело! Знайте, однако же, что (но говорю уже о поляках) все наши либералишки, семинаро-социального оттенка, взъедаются как звери. Это их проймёт. Это им пуще, если б им всем носы отрезали. Ну что им теперь говорить, в кого грязью кидать. Скалить зубы, конечно, можно; у нас только это и умеют. Разве Вы замечали хоть какую-нибудь серьёзную идею в наших либералишках? Одно только скаление зубов. Скаление зубов гимназистам внушает. Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донёс. Ей-богу, помяните моё слово. И точно на них уж можно что доносить? 1) Сами себя компрометировали, а 2) кто ими и занимается-то? Стоят они того, чтоб на них доносить!» [10: 227].

Вначале он стал «героем дня», «модным человеком». Его стали приглашать высокопоставленные чиновники, его приглашали граф А.К. Толстой, князь В.Ф. Одоевский, он познакомился с академиком, профессором А.В. Никитенко. Устраивал приёмы у себя. Женился на Зинаиде Алексеевне, урождённой Вердеревской, по первому мужу Агреновой (1834–1924), сотруднице «Отечественных записок» (1867), «Нивы», «Зари» и «Всемирного труда». По воспоминаниям А. Никитенко, жена В. Кельсиева была красавицей и замечательным музыкантом. Увлечение им вскоре прошло. В отношении к В. Кельсиеву появилась холодность, знакомством с ним стали тяготиться [3: 912; 30: 260; 37: 527].

В обществе начали распространяться клеветнические слухи о

«сорока лицах», которых якобы выдал В. Кельсиев [30: 255–256]. Теоретик народничества, русский публицист и критик Н.К. Михайловский вспоминал: «Положение Кельсиева, как и всякого ренегата, было в Петербурге незавидное. В кругу своих новых единомышленников он был ещё совсем чужой и встретил там, вероятно, много для себя обидного под личиною любезности, а к старым знакомым ему, конечно, лучше было бы совсем не являться. Но был ли он от природы бестактен или сбит с толку новостью своего положения, только он не воздержался от некоторых ненужных визитов» [34: 280].

Либеральная общественность критиковала его как отступника и безнравственного человека, часто излишне критично и субъективно оценивая его литературные труды (А.Н. Пыпин, Н.К. Михайловский, Д.Д. Минаев, П.Н. Ткачёв, Н.И. Утин). А. Герцен, в отличие от Огарёва и других критиков, не стал осуждать В. Кельсиева. В письме к Н. Огарёву от 29 (17) октября 1867 г. он высказал мнение: «Я ещё больше убеждаюсь, что он пакостей политических не наделал». 9–10 марта (26–27 февраля) 1868 г. он пишет Н.А. и О.А. Герцен (жене и дочери) о В. Кельсиеве: «Я видел здесь человека, который знает дело Кельсиева – последний наотрез отказался назвать лиц, находящихся в России, с которыми он был в сношениях. Он назвал только меня и Чернецкого. Граф Шувалов включил это в свой доклад императору, а тот на нём написал: “Передайте ему, что я начинаю уважать его за это!”». Сочувственно отнеслись к нему Н.С. Лесков и Ф.М. Достоевский (В. Кельсиев отчасти стал прототипом Шатова в романе «Бесы») [7: 220, 291; 9: 216–217; 37: 527].

У В. Кельсиева остался только один способ зарабатывать на жизнь – литературная деятельность. Он пишет в проправительственные и славянофильские издания: «Заря» (1869–1871 гг.; «Всемирный труд» (1868–1870 гг.); «Русский вестник» (1869–1870 гг.), «Нива» (1870–1872 гг.), «Семейные вечера» (1870–1871 гг.), «Гражданин» (его «Заметки о татарском влиянии на великоруссов» были опубликованы посмертно в 1873 г.). Сотрудничает с Императорским Русским географическим обществом. В частности, в 1867 г. он выступил с сообщением о малоизученной в то время секте скопцов [2: 367; 28: 611; 30: 263–264; 37: 526].

Его мемуарно-публицистическая книга «Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева» (СПб., 1868) является сокращённым вариантом «Исповеди». Она отразила смещение акцентов в идейной позиции автора. В этой книге и серии очерков «Из рассказов об эмигрантах» (Всемирный труд. 1869. № 1–2; Заря. 1869. № 3; Русский вестник. 1869. № 1, 6, 9, 11; 1870. № 1) Кельсиев показывает политических эмигрантов (М.С. Дубровин, В.А. Эн-

гельсон, П.А. Мартьянов, польские эмигранты-дворяне), потерявших связь с реалиями русской жизни. В 1868 г. В. Кельсиев издал книгу «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева», включившую путевые очерки 1866–1868 гг. из газеты «Голос» [2: 367; 28: 611; 30: 263–264; 37: 526]. В 1976 г. книга была переиздана в США известным карпаторусским деятелем П.С. Гардым. Весь её тираж он передал Карпаторусскому литературному обществу в США.

«Пережитое и передуманное» и «Галичина и Молдавия» были холодно встречены критикой. Вышеупомянутый Н. Михайловский в своей рецензии «Жертва старой русской истории» (декабрь 1868 г.) на два произведения вначале высказался о личности В. Кельсиева: «...странная и пёстрая судьба делает г. Кельсиева очень любопытным психологическим, если не психиатрическим субъектом». Н. Михайловский прямо написал, что «мы будем иметь ввиду именно личность Кельсиева, а не поднимаемые и затрагиваемые им вопросы». О воспоминаниях В. Кельсиева критик написал, что, когда тот их издал, «оказалось, что гора родила мышь». Он же выразил, как представитель либеральной интеллигенции, своё отношение к русинской проблеме: «...г. Кельсиев замечает, что мы, русские, могли бы помочь галичанам, но что “мы знаем всё, кроме того, что творится на великой Руси”. Нет, мы знаем кое-что из того, что творится на великой Руси, и чем ближе мы с ней будем знакомиться, тем меньше у нас, вероятно, будет охоты ехать в Галицию и к братьям-славянам вообще. Но мы бы, разумеется, с удовольствием узнали что-нибудь о наших дальних соплеменниках, хотя бы они нам и приходились седьмой водой на киселе». Далее он критикует его славянофильские взгляды [33: 1, 3].

Другой либеральный критик, Д.Д. Минаев¹⁰ (который в 1862–1863 гг. травил В.В. Крестовского; см.: [45: 21, 30, 67]. – С.С.) в статье «Журнальные арабески» (Неделя. 1869. № 4) раскритиковал Н. Михайловского за то, что, по его мнению, тот пытается сделать из В. Кельсиева «почтенного деятеля», обозвав его рецензию «бестактной» (?! – С.С.). Он, в частности, написал: «На статье “Отечественных записок” о г. Кельсиеве следует на некоторое время остановиться. Статья эта, по крайнему нашему мнению, бестактна, начиная с самого громкого её названия: “Жертва старой русской истории” от первой строчки до последней. В своё время в “Недели” (№ 27, прошлого года) была помещена статья о книге г. Кельсиева, и мы повторять нашего мнения о нем не станем: юродство г. Кельсиева достаточно всем хорошо известно и всеми по достоинству оценено, не исключая даже “Вестника Европы”, в котором, не смотря на всю его сдержанность и равнодушие к полемическим приёмам, была помещена

очень меткая и верная рецензия о литературных изделиях г. Кельсиева. Незнакомый рецензент “Отечественных записок” принимаясь за свою статью, употребляет довольно странный и уклончивый приём. “Мы будем, говорит он, смотреть на г. Кельсиева не с точки зрения какой-нибудь литературной, (?) общественной и политической (?) партии, а просто *в качестве психолога*: посмотрим, чем, как и при каких обстоятельствах жила душа (!!) г. Кельсиева...”. Приём, по истине, непонятный и фальшивый. Мы ждём от критика журнальной статьи, об общественном деятеле, о писателе, ждём от рецензента или карающего свиста или же строгого приговора, верного известной литературной традиции, а рецензент вдруг становится вне всяких партий, корчит из себя психиатра и хочет толковать о том, чем и как жила душа г. Кельсиева. Принимая журнал за лечебницу для приходящих, за аудиторию, где можно читать лекцию о душевных болезнях, неизвестный психолог с первых же строк попадает в впросак, придавая г. Кельсиеву то значение, которого он никогда не имел, и говорит, что последний был недавно “героем дня” и, что “на него обратились все взоры” при возвращении в Петербург» [11: 122]. Как вспоминал Н. Михайловский, «выразил всё это Минаев довольно грубо» [34: 281].

В письме к Н. Огарёву от 3 августа (22 июня) 1868 г. А. Герцен пишет: «Дочитал Кельсиева (имеются в виду его мемуары “Пережитое и передуманное”. – С.С.) – я решительно отказываюсь писать, да и тебе не советую. Предоставь это дело нашим милым Сен-Жюстам из Грузии – нашим пердованным детям. Я вреда книги не вижу – и спрашиваю, что бы он делал за границей? (разве в тульчинской школе?) – да что и мы делаем? – Мы, по правде, сделали кое-что и были полезны. А вся эмиграция – была нелепость. Гулевич (имеется в виду М.С. Гулевич, член «Земли и Воли», эмигрант, с 1866 г. безуспешно ходатайствовал о возвращении в Россию. В 1874 г. покончил жизнь самоубийством. – С.С.) просил смиренно прощенья – а простил его не государь, а эмигранты. Кельсиев сдался, как сумасшедший, – но не изменил» [8: 428]. В письме Н. Огарёву от 4 августа (23 июля) 1868 г.: “Вестник Европы” его ошельмовал мастерски...». Речь идёт о рецензии А.Н. Пыпина, двоюродного брата Н.Г. Чернышевского (под инициалом Д.), «Пережитое и передуманное» (Вестник Европы. 1868. № 7), где он заявил, что книжка В. Кельсиева лишена всякого интереса и представляет собой лишь материал для психологического этюда о личности одного из «маленьких великих людей». Так же А. Пыпин «разоблачил» истинные побуждения В. Кельсиева: «...выгодность сбыта книжки, писанной бывшим государственным преступником», ожидание скандального успеха и «неудержи-

мую страсть выдвигаться вперёд, обращать на себя внимание, быть “предметом”» [8: 429, 730]. В письме Н.А. Тучковой-Огарёвой от 10 ноября (29 октября) 1868 г. А. Герцен упомянул: «Кельсиева в газетах ругают на чем свет стоит. Пришлю образчик» [8: 486].

В 1870–1872 гг. Кельсиев помещает в «Ниве» и «Семейных вечерах» ряд исторических очерков компилятивного характера («Александр Невский и Дмитрий Донской», «Первый русский царь. Иван III Васильевич», «Просветители славян св. Кирилл и Мефодий» и др.). Он пишет, что исторические повести «Москва и Тверь» (Нива. 1870. № 16–34, отд. изд. СПб., 1872, 1909), «На все руки мастер» (Семейные вечера. 1871. № 11, 12; 1872. № 1), «При Петре» (совм. с В.П. Ключниковым; Нива. 1871. № 38–46, 48–52, отд. изд. СПб., 1872) холодно были встречены критикой как «чисто ремесленные» произведения, «бледные, растянутые и скучные» (Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 2 июня, 15 октября) [2: 368; 28: 611; 37: 527].

Здоровье его было подорвано тяжёлой жизнью в эмиграции и потрясением от потери близких людей, рухнувшими планами после возвращения в Россию. Весной 1870 г. он, чтобы поправить своё здоровье отправился в Богемию. Там он был около трёх месяцев, изучая этнографию этого края. Возвратившись, он стал помещать свои записки в «Голосе», однако из-за болезни не окончил их. Он расстался с женой. Не выдержав потрясений, стал сильно пить. В последний год жизни его охватила апатия, он стал чуждаться общества [4: 668; 28: 611; 30: 262].

Умер В. Кельсиев 4 (16) октября 1872 г. в возрасте 37 лет от паралича сердца, в крайней бедности, на руках своего старого учителя А.Е. Разина. Знавший его русский правовед, профессор А.П. Чебышев-Дмитриев написал: «Узнав об этом, я невольно порадовался за него: тяжела была ему в последние годы его бесполезная, никому ненужная, разбитая, неудавшаяся жизнь» [30: 262].

Из некролога в журнале «Нива»: «Мир праху твоему, добрый человек! Ты заблуждался, как и другие, но искупил это раскаянием и любовью к отечеству. Ты трудился для общей пользы, как немногие и если не успел выполнить всего задуманного, то, по крайней мере, не щадил своих сил в стремлении к этому» [4: 668].

Основными источниками информации о жизни и творчестве В. Кельсиева являются его автобиографические произведения «Исповедь» [15; 18] и частично с ней совпадающие, являясь другой редакцией, воспоминания «Пережитое и передуманное» [19], его ответы на вопросы следственной комиссии [18: 417–442], письма В. Кельсиева¹¹ (см., например: [31: 29–39; 36: 171–178]), материалы

об участниках общественного движения «шестидесятых годов» [31], письма современников [см., напр.: 7–8; 10] и их воспоминания (см., например: [6; 34]). Его библиография приводится М.М. Клевенским [18: 262–264]. С.А. Венгеров перечисляет ряд работ о В. Кельсиеве, воспоминаний и отзывов о его трудах [5: 52–53]. Информация о нём и его литературном наследии содержится в многочисленных биобиблиографических заметках (см., например: [2; 3; 26, 27; 28; 37]), некрологах (см., например: [4; 32]), предисловиях к его работам (см., например: [14; 30; 36]), монографии В.Я. Гросула «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.)» [9], в материалах современных исследователей (см., например, работы К.А. Соловьёва [38–41]) и др.

Можно согласиться с мнением К.А. Соловьёва, высказанного в диссертации «Общественно-политические взгляды и деятельность В.И. Кельсиева: 1835–1872» о необходимости пересмотреть «классические» в прошлом темы отечественной историографии, которые активно разрабатывались ранее в рамках марксистско-ленинской идеологии [40]. К таким темам, на наш взгляд, относятся, в частности, оценка общественного движения 60-х гг. XIX в., однобокая интерпретация польского вопроса и многочисленных мятежей польской шляхты, субъективная оценка деятельности органов государственного управления Российской империи, излишне благодушное отношение к деятелям либерального и революционного движения, в т. ч. политическим эмигрантам¹² и переоценка их деятельности, в то же время критическое, порой осуждающее – к их оппонентам (государственникам, славянофилам). Переосмысления заслуживает оценка личности и деятельности самого В. Кельсиева, особенно после возвращения в Россию.

Жизнеописание В. Кельсиева (1835–1872) немного сходно с биографией В. Крестовского (1839–1895) [45]. И тот и другой увлекались в молодости либеральными идеями, нигилизмом (правда, в отличие от В. Крестовского, В. Кельсиев стал политэмигрантом и революционером, боролся против самодержавия). Для обоих переломной точкой, заставившей их отойти от «либеральных ценностей», стал польский мятеж 1863–1864 гг. Оба перешли в проправительственный лагерь. Совсем как в высказывании, приписываемом французскому политическому деятелю А.-П. Батби: «Кто не республиканец в двадцать лет, вызывает сомнения в щедрости своей души; но кто упорствует в этом после тридцати лет, вызывает сомнения в правильности своего ума» (1875). Сам В. Кельсиев писал: «Все мы прошли диалектику нигилизма, славянофильства, украинофильства – и конец концов вышел тот, что надо быть, просто-напросто, русскими» [17: 72]. Оба подверглись травле либеральной и окололиберальной

интеллигенции. Однако В. Крестовский сумел найти себя в армейской среде, у него сохранились друзья и единомышленники, он смог создать и сохранить новую семью, реализовать себя в военной и литературной сферах. В. Кельсиев же в конце жизни остался в одиночестве. Либералы не простили ему «рenegатства», а представители проправительственного лагеря – его прошлой революционной антиправительственной деятельности.

В ряде работ В. Кельсиев поднимает темы Карпатской Руси, русинов и унии [15; 17–19; 21]. Под псевдонимом Иванов-Желудков В.П. он опубликовал рецензию «Униатский агитатор» (Отечественные записки. 1867. Т. 170, кн. 1–2. Январь-Февраль. С. 516–543, 706–725), где даёт сведения об авторе и разбирает его труд «Записки второго поклоннического путешествия з Рима в Иерусалим и по иным мес-цам Востока, совершенного попом св. словянскокафтолической церкви Ипполитом Андреевым Терлецким¹³, врачества и св. богословия доктором. Львов, 1861. (Т. I. стр. 25–39)» [13]. В конце рецензии В. Кельсиев поясняет: «Название русский есть родовое название всех видов восточнославянского племени (состоящего, как указал выше В. Кельсиев, “из двух главных племён, северного (велико и белорусского) и южного (малорусского), которые ветвятся, в свою очередь, на мелкие в разноплемённости, но все называют себя одним именем *русский*, *русин*, *русак* или, по книжному, россиянин”. – С.С.), на котором, как и на тождестве истории, законов языка, преданий и даже церковного обряда, основывается союз этих племён в русском государстве» [13: 721].

Некоторые исследователи приписывают авторству В. Кельсиева анонимную статью «Письма из Угорщины» (Отечественные записки. 1867. Т. 171. Апрель. Кн. 2. С. 640–669; Т. 172. Июнь. Кн. 2. С. 745–762) [35]. Однако её нет в перечне его произведений, составленном М. Клевенским [18: 262–264]. Не упоминается она и в многочисленных биобиблиографических заметках. Сама работа была опубликована в апреле и мае 1867 г. в либеральном издании. Напомним: с 7 ноября 1866 г. В. Кельсиев жил в Яссах, откуда 19 мая 1867 г. возвратился в Россию. В начале материала его автор пишет, что, согласно пожеланию редакции, он даёт «краткий статистико-исторический очерк словаков». Также там описывается история словако-венгерских отношений. Другие славяне, проживающие в Венгрии, в т. ч. русины, в материале не затрагиваются.

Касаясь в «Исповеди» положения холмской епархии¹⁴ и западных губерний, В. Кельсиев предложил «превратить все тамошние костёлы в униатские церкви, провозгласив, что, где сельское население русское, там и обряд должен быть русским. Все дворянство

западных губерний из православия через унию перешло в католичество; – воротим его в унию, и оно из католичества перейдёт в православие: оно само будет радо предлогу развязаться с Польшей, не насилуя своей совести. Уния в западных губерниях разом заставит тамошних католиков забыть польский язык и польские интересы и разом разрешит вопрос о русских землевладельцах в этом крае, – разрешит прочнее и вернее, чем грозящая нам опасностью – в случае войны с Пруссией – продажа тамошних имений немцам или колонизация Жмуди немцами. Пусть правительство отрежет от Польши Западный Край и начнёт славянить Польшу – повстанья сделаются сами по себе невозможны: крохотная Мазовия не в силах будет одна бороться против целого славянского мира, она сама будет искать возможности утонуть в славянстве» [15: 252–253].

Отвечая на вопросы следственной комиссии, В. Кельсиев тоже коснулся темы униатства. Он считал, что если бы не вспыхнуло Польское восстание, то «украинофильское учение довело бы до окончательного разрыва между нашим юго-западным дворянством и Польшей. Оно благодетельно на них действовало, заставляя любить все русское (хоть и малорусское), с его преданиями, песнями, языком и ненавистью к ляхам. Ещё бы несколько лет этого движения, и они даже и с нами, великорусами, помирились бы. Католицизм служил, по их собственному мнению, поводом к их разладу с нами, но они надеялись выхлопотать у правительства разрешение восстановить для них унию, т. е. превратить тамошние костёлы в церкви, чтобы сблизиться с народом даже обрядом богослужения и окончательно забыть польский язык. Одни из них хотели унии с задней мыслью – распространить её и на крестьян, другие же хотели введения её только для того, чтобы не резко перейти в православие, чтобы не заслужить названия ренегатов. <...> Унией они ополячились, унией же мы и располячить их можем, что нам даст огромную массу образованных русских дворян в юго-западном крае и положит конец навеки польским увлечениям. Правительство же русское имеет полное право заменить латинское богослужение славянским, не насилуя ничьей совести, так как Рим позволяет переходы с обряда на обряд, считая формы делом второстепенной важности. Уния, принятая сначала неискренно, с умыслом втянуть в неё крестьян, все-таки выучит тамошних католиков нашим молитвам, текстам священного писания и отец церкви, пристрастит к нашему богослужению и затем так же легко исчезнет по первому указу, как исчезло у крестьян в прошлое царствование. Как поляки поступали, так и нам надо поступать; что им помогало, то и нам поможет лучше всяких насильственных продаж имений и затруднений вступать в корон-

ную службу. Настоящие поляки, из Царства, знают эту опасность для них унии и очень боятся, что мы догадаемся заменить ею католичество в Западном крае. Я бы попросил правительство обратиться к г. Головацкому (имеется ввиду Я.Ф. Головацкий (1814–1888), деятель русинского возрождения Галичины. – С.С.), ныне находящемуся в Москве, который, как сам униатский священник и как человек глубоко преданный России и коротко знающий поляков, лучше меня может указать, что следует сделать и как следует сделать. Он разделяет мой взгляд на унию; мы с ним ещё во Львове об этом говорили, так как мне любопытно было узнать от тамошних русских, насколько осуществим этот проект наших украинофилов-католиков. В Галичине, при польском гонении, крестьяне и мещане католики делаются униатами, т. е. русскими» [18: 433–434].

В. Кельсиев предложил следующие меры «к обрусению западного края». Во-первых, обратить все костёлы, как в девяти западных губерниях и внутри России в униатские церкви. «Помещики западных губерний – почти все потомки униатов. Переход на православие сочли бы они ренегатством, тогда как переход на унию, веру отцов их, сближающую их, хоть по обряду, с простым народом, примется ими без больших колебаний; они даже будут льстить себя надеждою, что уния со временем сделается популярной и пособит отделению их от России. Между тем, переход на унию заставит их забыть польский язык и освободит их из-под влияния ксёндзов-поляков, а сверх того порвёт связь их с самими поляками, которые не преминут поносить их национальную веру». Во-вторых, «обряд униатский должен различаться от православного единственно поминовением папы на эктениях». «Органы, звонки, бритье бород духовенством, принятие святых тайн на коленях и прочие нововведения в унии не допускаются. Но употребление скамеек в церквях должно быть терпимо на первое время. Все это будет охотно принято большинством, которое радо будет возможности, не насилуя своей совести, сделаться хоть наружно русским». В-третьих, «униаты пользуются совершенно одинаковыми правами с православными, по службе и по праву владеть недвижимыми именными. Не желающие принять унию пользуются правом переселения в Царство Польское». В-четвёртых, «при наречении младенцев разрешается им давать только имена святых, чтимых одинаково православною и униатскою церковью». В-пятых, «униатские священники набираются преимущественно из галицких и из угорских русских; первое, потому что они не большие приверженцы унии, а во-вторых, они сумеют, по своей высокой образованности, благодетельно влиять на дворянство, напоминая ему о его русском происхождении. Митрополитом униатским, таким, какого нам

нужно, всего лучше было бы поставить поставит или перемышльско-го каноника Гинилевича или Юзечинского». В-шестых, «католические семинарии и монастыри обращаются в униатские, равно как и все католические имущества (иезуитские и т. п.) переходят в их ведение, вместе со всеми богадельнями, приютами, школами, общинами сестёр милосердия и т. п.». Эти правила должны распространиться на всю империю, кроме Царства Польского. И в-седьмых, «все торговцы и ремесленники Западного края обязываются на каждого сидельца или подмастерья из иноверных исповеданий (еврейского и лютеранского) брать по одному православному или униату, преимущественно из мальчиков крестьянского происхождения». В. Кельсиев считал, что таким образом «лет через пятнадцать Западный край был бы снабжён средним классом одной веры и одного языка с народом, что много содействовало бы быстроте его обрусения и освободило бы его от монополии евреев и иностранцев. Правило это должно быть применено и ко всем прочим промыслам – к агрономии, к лесоводству, к железным дорогам, винокурению, фабрикам и т. п.» [18: 374–375].

Касается В. Кельсиев вопросов униатской церкви и в книге «Галичина и Молдавия». В частности, разговорившись с о. Иустином Ж., священником из Перемышля, он приводит его слова: «Дворянство наше все перешло в католицизм при помощи унии: остались русским одно духовенство да народ, а здесь сторона аристократическая – кого в Австрии аристократия не представляет, тот ничего не добьётся. Польская аристократия уверяет в Вене, что русские, собственно, за них, но только в духовенстве есть партия, подкупленная нашим правительством, которая сеет раздор и губит дело унии. Их слушают, а нас никто не слышит. Поляки нас теснят, правительство сомневается в нашей преданности – вина наша вся в том, что мы хотим остаться русскими и исправить наш обряд, искажённый латинизацией. Служить польскому делу мы не можем, потому что слишком близко знаем поляков – восстановление Польши будет гибельно для здешнего простонародья» [17: 27–28].

Говоря о униатском духовенстве, о. Иустин отметил: «Положение священника до нельзя униженное. Помещик ушёл в латинство, ксёндз интригует под боком, семья на руках, а тут ещё общее образование распространилось, а с ним и роскошь. Счастье, если попадья удалась хорошая хозяйка: тогда ещё можно кое-как концы с концами сводить, а уважения все-таки нет, потому что русская вера – вера хлопская» [17: 38].

В. Кельсиев полагал, что «уния в старину, уния у нас в Холме и уния в Галичине¹⁵ – понятия совершенно разные. Народ здесь не только не почитает, но даже не любит униатских святых, поборников

Рима и врагов православия. Про Иосафата Кунцевича¹⁶ отзываются, что “он русинов резал”. Максимилиана Рылло¹⁷, несмотря ни на вериги его, ни на мощи, даже и знать не хотят; о нетленности его решают, что “его земля не принимает”» [17: 39–40].

Автор посчитал, что в Галичине на 3 млн населения образованных русинов будет чуть более 8 тыс. Цифру он вывел следующим образом: в Галичине действовало 2 100 греко-униатских приходов, в них служило 2 100 священников, столько же дьячков, сельских учителей и т. д. Если на каждую священническую семью добавить по сыну гимназисту или студенту – тоже 2 100. И 2 тыс. чиновников, учителей, художников и т. д. [17: 142].

В. Кельсиев обратил внимание на высокий уровень образования местных греко-католических священников: «В самом деле, в Австрии школьное дело стоит несравненно выше, чем у нас. Чтоб сделаться священником, надо пробыть *четыре* года в нормальной школе, *восемь* лет в гимназии, да *четыре* года в семинарии. Правда, все здешнее образование вертится на латыни и греческом языке, круг сведений их, относительно говоря, ограничен; но зато я не замечаю в них нашей энциклопедической распушенности, этого ученья “чему-нибудь и как-нибудь”. У них есть большая привычка к серьезному умственному труду, а следовательно, к полному изучению каждого представляющегося вопроса, что очень много значит. Салонное, поверхностное воспитание поляков, так похожее на наше, разумеется, не в силах соперничать с этим классицизмом. Поляк засыпал их фразами, забивал изяществом манер, бойкостью своих силлогизмов, и верил, что молчание есть знак согласия, тогда как молчали они просто по застенчивости. Стоит читать польских публицистов и даже учёных чтоб эта поверхностность бросилась в глаза. Припомню только, их толки о славянах и о чуде... Вот в чем лежит одна из причин их политического бессилия. Люди, которых они хотят вести, развитее их самих» [17: 44–45].

Упоминает В. Кельсиев о перемышльском греко-униатском епископе Иоанне Снегурском (1784–1847; поставлен епископом в 1818 г.): «Этот архиерей был действительно отцом своей епархии. Священники так его любили, что приезжавший из села в город считал грехом не навестить владыку; быть в Перемышле и у владыки не побывать считалось тогда несообразностью. В этом крае – так владыка умел привязать к себе всех и каждого. Любимый и уважаемый всеми Иоанн первый заговорил с своими подчинёнными по-русски – это была великая новость; русский язык считался до того мужицким, что священники даже азбуку русскую не всегда знали, и в церквах не редкость было видеть тревники и евангелия, в которых

над церковными буквами священник надписывал польскими, что и как нужно ему выговаривать. Слабо, робко стало припоминать духовенство точно сквозь сон, что не всегда ж в этом краю язык народа считался хлопским, что до завоевания Галичины Казимиром в XIV веке, в ней были свои князья, даже, наконец духовенство стало смутно догадываться что быть *русином* вовсе не стыдно. До литературы, до театра было ещё далеко – об этом тогда наверно сам владыка не мечтал: ему хотелось только нравственно поднять вверенный ему клир, вразумить его об его обязанностях к церкви и к народу, остановить латинизацию обряда и полонизацию народа» [17: 52–53]. Епископ открыто заявил, что «униатская церковь – церковь не *польская*, а *русская*» [17: 55]. Благодаря деятельности Иоанна Снегурского на перемышльской земле начался процесс русинского возрождения, охвативший затем всю Галичину и населённую лемками часть Галиции.

Упомянул В. Кельсиев и об «обрядовом движении» в Галичине, движении, возникшем в 1860-х гг. как попытка очистить обряд униатской церкви от позднейших католических наслоений и искажений. Возникло оно в ответ на попытки поляков ввести в униатскую церковь новые латинские обряды, польский язык в народные школы, изгнать русскую церковную и гражданскую азбуку и пропаганду польского патриотизма в среде галичан. Движение стало массовым. «Обрядовцы стали затворять царские врата во время богослужения (у униатов царские врата никогда не затворяются), отпустили волосы по плечам, усы, бороды, понадевали рясы и камилавки; но поляки сделали на них донос в Рим и из Рима было предписано держаться латинизма. Граф Голуховский, бывший и тогда наместником Галичины, отдал русское духовенство под надзор полиции, и полицейские агенты бунтовали хлопов против священников, внушая народу, что попам ничего не следует платить за требы. Жандарм стоял на паперти церкви и наблюдал, звонят ли колокольчики, играет ли орган, не затворяются ли царские врата, не стоя ли причащаются. Хлопство, несмотря на свой глубокий индифферентизм в деле обряда, все-таки, смотрело и смотрит на священников, как на единственных своих руководителей и своих бескорыстных друзей. Несмотря на запрещение платить за требы, хлопы тайком носили священникам хлеб, мёд, полотна, водку, так же как носили отцы их. Польша не могла переменить народных обычаев, но вмешательство поляков в дело веры, в язык, их стремления ополячить русских удесятирили ненависть к ним всего, что было лучшего в Галичине» [17: 179–180].

Писатель заметил, что, «не будь на галицких *польных* и *горных* церквах осьмиконечных крестов, а воткни на них петухов, я принял бы эти церкви за финские, шведские и норвежские кирки. Странное

дело, я не знаю ни одного племени, которое, своим костюмом, своей архитектурой, так напоминало бы скандинавов, как галичане. Варяги ли сюда занесли этот строй, или сами они принесли его в Скандинавию с Руси, но сходство между Скандинавией, а особенно Финляндии с Галичиной в глаза бьёт. В галицких реках вымываются те же кресты, которые датские учёные считают исключительно скандинавскими; кольчуги точно такие же; те же крыши на церквях, напоминающие тарелку блинов, по выражению Гоголя; те же клапаны, те же сукни... Я не беру на себя смелости дать объяснение, но что связь существует, пусть неверующий отправится и убедится» [17: 251].

В предисловии к своей «Галичине и Молдавии» В. Кельсиев написал: «Представляя читателям собрание моих писем из путешествия по Галичине и Молдавии в 1866–1867 гг., я считаю не лишним сказать несколько предварительных слов. То, что я рассказываю об этих странах, вынесено мною не из библиотек, а из личных наблюдений. Я рассказываю о Галичине и Молдавии так, как я сам к ним мог отнестись, и мой читатель волей-неволей заметит, что я относился к ним настолько искренно, насколько это было возможно. Я рисую картину того, что видел, и рассказываю то, что понял» И далее: «Если на меня станут нападать за то, что в моей книге нет последовательности, что первые главы полны археологическими и библиографическими замечками, а в последних нет ни того ни другого, то происхождение её, как отдельных писем, корреспонденций в газету, объясняет её недостатки. Я не знаю, лучше ли бы я поступил, предав забвению эти письма, чем поступаю теперь, отпечатывая их отдельной книгой; но знаю только то, что если бы я не перепечатал моих писем, то у нашей русской публики не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичине*, об этом совершенно для русской публики неизвестном русском крае. Я был в нем тем, что называется на дальнем западе Америки *пионером*; я дорогу проложил, пусть идёт теперь по ней кто хочет и пусть пишет о Галичине книгу дельнее и серьёзнее моей. Я первый обрадуюсь тому, если этот забытый и забитый край русской земли вынырнет из омуты неизвестности и из тины нелепого и бестолкового сочувствия. Сочувствие краю может основываться только на знании его. У нас сочувствуют Галичине, как сочувствуют всем славянам, не зная, о чем идёт дело, не понимая её болей, не зная её скорбей» [17: I–III].

В самой книге автор поднимает «ряд вопросов: о Польше, о южнорусском народе, о евреях, о церкви и о костёле – вопросов, которые решим не мы, люди XIX века, но над которыми не ломать голову мы не можем»¹⁸ [17: IV].

В. Кельсиев рассуждает о судьбе малорусского (русинского) на-

речия: «Два это языка, севернорусский и южнорусский – или один? Мне кажется, что они находятся теперь в том периоде, когда могут и слиться, и разделиться без особых усилий. Хотя и стоит ли того разделяться и нужно ли это разделение я сильно сомневаюсь, помимо всяких соображений о единстве Русского Государства. Близки эти языки так, что если мне нужна неделя чтоб заговорить по-чешски или по-сербски, то едва ли в полгода перейму я южнорусский выговор. Я с первого раза понимаю все, что мне говорят, и меня с первого раза понимают: разница только в произношении гласных, да в употреблении десятка-другого слов. Вообще же не раз высказывали галичане, что они понимают нас лучше, когда читают, чем когда слушают. А затем, если б они, как и все вообще южнорусы, пошли по дороге, указанной сербами, то литературное единство русских наречий, разумеется, порвалось бы. Сербы так очистили свой язык от примеси всех других славянских наречий, так строго приняли в основание своего книжного языка язык своих песен и сказок – что теперь не понимают наших книг. Галичане вообще владеют политическим тактом и избегают этого отчуждения от прочей Руси. Они говорят и пишут по-своему, но приняли такую орфографию, что и мы можем понимать их, и они выучиваются читать по-нашему. <...> Любовь к своему языку и лингвистическая последовательность – вещи очень хорошие, но расчёт должен стоять выше всего. Разойтись можно легко, но не лучше ли тысячу раз подумать, прежде чем из любви к грамматике решиться на этот шаг?» [17: 15–16].

Во время общения с жителями с. Вышатици В. Кельсиев заметил: «Язык их такая же путаница, как и церковь. Если из него повыкидывать польские слова, например: *кепский, певный, перший, егомость, шкода, коштувати* и т. п., то он сведётся прямо на язык наших летописей и будет разниться от северных русских наречий только произношением некоторых гласных. Впрочем, в конструкции, как и в употреблении слов, осталось у них много следов польского владычества: это очень заметно, когда прислушиваешься к их фразам. Образованные люди пишут здесь латинскою конструкцией и чрезвычайно хвалят слог докарамзинских писателей: говорят, что он им понятнее, чем новый. Это и не удивительно. На образование слога XVIII века сильно влияли южнорусы, и в нем попадает много польских и малороссийских оборотов» [17: 42].

Писатель отметил, что Вена в благодарность за поддержку в 1848 г. разрешила, чтобы «и здесь и в Венгрии, в гимназиях появилась *ruthenische sprache* – *русский язык* (с одним с), явилась литература, журналы стали выходить, пока ни появилась система Баха с своею германизациею, которая в сущности не была опасна для русских –

даже выгодна, потому что она не давала польскому элементу никакого перевеса над русским. Литература шла слабо, но, все-таки, шла, школы и церкви заводились, польского ничего не было, но и не было определено, что такое у них эта *русскость*, как они выражаются что именно значит, что они *русины*, как относятся они к другим народностям, называющим себя тоже русскими. Точно также не было у них решительного мнения об унии: держаться её или не держаться, для неё трудиться или против неё. Этой определённости и до сих пор я не вижу...». В то же время «поляки на львовских сеймах и везде, где они могли заявить свой голос, удивительно обрусили этот край. Не будь на русских польского гоненья – русские спали бы сном непробудным» [17: 57].

Будучи во Львове, он написал, что местные русины говорят «помалорусски, западным наречием, более близким к нашему книжному языку, чем украинский. Существенная разница между здешним и нашим московским говором состоит только в произношении *ль* всегда как *и*, *ы*, почти, как *и*, и *о*, иногда, как *и*. Будь только в этом вся разница между нашим и галицким наречием – легко было бы их понимать и легко было бы писать по книжному, но географическое соседство их с поляками и историческое преобладание над ними поляков да к тому же немецко-классическое устройство их гимназий и семинарий удерживают их язык в доломоносовских формах. Полонизмы на каждом шагу...» [17: 64–65].

Говоря о письменном языке украинофилов, В. Кельсиев заметил: «Нестор никогда не писал бы *Велике Князтво Київске*, как пишут украинофилы; а Нестор в Киеве жил. Украинофильство есть отречение от истории во имя ультрачистоты провинциального говора. Оно оборвалось в Галичине именно по своей исключительности, потому что оно отрицает прошедшее южнорусского народа и отрезывает его не только от нас, но и от всего славянства. Его здесь за врага приняли, потому что оно хотело разделить славянские силы, когда только в единстве их и видится спасение. Отказаться от книжного языка украинцу так же необходимо, как и тамбовцу. В Темниковском уезде (Тамбовской губернии. – С.С.) есть удивительно хорошая форма третьего лица множественного числа притяжательного местоимения: “*их* брат, *иха* сестра, *ихи* жены”, кроме многих других весьма недурных особенностей, из которых Темниковский уезд имеет полное право создать свой особенный язык. Здесь, в Галичине, издавалась “Мета”, тоненький орган украинофильской партии. “Мета” мне очень нравится: в ней хорошо все, начиная от антиславянской орфографии, до брани на *москалів* и до чисто украинских слов, происхождение которых относится к таким доисторическим временам,

что ни один филолог не отыщет им даже корня. Такое хорошее слово стоить даже на обертке “Меты” – *грясть*, должно быть в смысле “оглавление” или “содержание”; откуда оно взялось, решительно не могу понять, хотя я и смыслю кой-что в славянской филологии. Язык “Меты”, как и язык всех подобных попыток, имеет одинаковое происхождение с галицким литературным языком 1848–49 года, когда здесь все пробудилось и все бросилось писать по-русски, а по-русски никто не знал» [17: 69–70].

В. Кельсиев считал, что «единый возможный и единый популярный язык в Галичине – наш книжный; другого здесь быть не может, потому что даже у украинофилов, что ни писатель, то своя грамматика, что ни книга, то своя орфография. Желание изучить и усвоить книжный язык видно у всех, а основывается оно на том, что история этого языка тождественна с историей русского народа, где бы он ни жил, и, как общий всем русским племенам, он один может иметь прочную будущность. Будь в Галичине возможность получать русские книги, иначе сказать, будь русская почта по-европейски устроена – через год наша литература обогатилась бы новыми писателями и новыми деятелями» [17: 75].

Автор серьёзно отнёсся к вопросу «о правописании и об украинском наречии» [17: 75]. Он считал, что «первым последствием введения кулишёвки был бы разрыв между народом и церковью. Народ перестал бы понимать церковный язык. <...> Разрыв с общерусским правописанием повёл бы к разрыву с церковью, воротил бы южноруссов к их так называемой национальной вере – унии. Стоило бы новому поколению южнорусских мужиков перестать понимать, что читается в церкви, то они все, разумеется, ринулись бы в унию, потому что оторвались бы от родного гнезда, оторвались бы от тех традиций, которые целые тысячи лет свято и благочестиво хранили их предки» [17: 77–78].

Говоря о галицко-русском литературном языке (смеси народного языка со церковнославянским и с использованием русского литературного языка, т. н. язычи, в интерпретации украинофилов. – С.С.), В. Кельсиев отметил: «Обвиняют галицких литераторов, зачем они пишут таким варварским языком. Я уже не в первый раз привожу примеры их языка, который, между нами будь сказано, возмущает меня до мозга костей моих. Как им иначе писать, когда даже я, в те четыре недели, что в Галичине, то и дело борюсь с полонизмами; когда здесь никто не учился в школах общерусскому литературному языку, и когда подле них шумит молодёжь, увлечённая казацкими преданиями и доносит на них, что они москали! Не потому г. Головацкий, Петрушевич, Дедицкий, Гушалеви́ч и проч. и проч., пишут

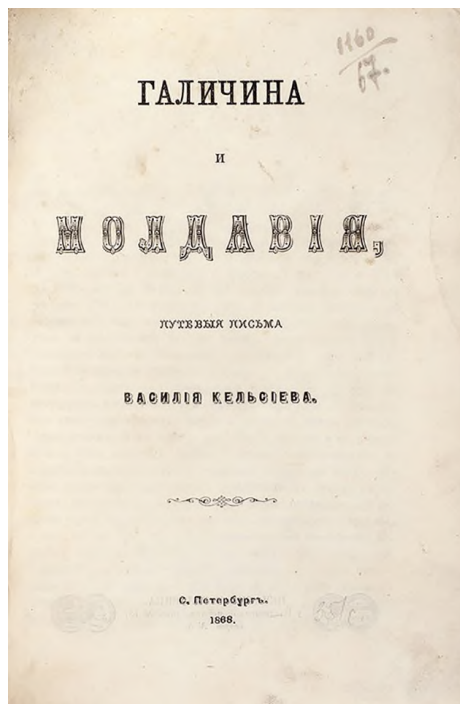
безобразно, чтоб они не умели выразиться иначе, а потому, что публика их не привыкла ещё говорить по-книжному, да и не для всех ещё решён вопрос; один народ южноруссы и великоруссы, или два» [17: 94].

Поднял он вопрос и о едином русском литературном языке: «Украинофилы возражают на этот вопрос обыкновенно тем, что деревенские мальчишки книжного языка не понимают, и что если их учить по-книжному, то, разумеется, развитие южнорусского народа страдает. Да будет мне позволено этому не поверить! Целые тысячи лет и серб, и великорус, южнорус учились и учатся по церковным книгам, а церковный язык не совсем понятен каждому, кто не вырос на церковных книгах. Южнорус, белорус, серб, болгарин до сих пор все свои сведения почерпали из этого церковного языка, и хотя каждый говорил по-своему в своём домашнем быту, но церковный язык все таки был единственным средством развития и цивилизации. <...> Немцы превосходно справляются с своим книжным языком, который так мало походит на *plattdeutsch* или на какие швабские или тирольские наречия. У итальянцев то же самое. Венецианское, сицилийское и неапольское наречия разнятся от итальянского книжного языка больше, чем южнорусский разнится от нашего книжного, а все примиряются на одном общепринятом итальянском языке. Нет спору, что в *plattdeutsch* и в венецианском наречии есть выражения сильнее и даже изящнее тех, которые приняла немецкая и итальянская литература, но из этого ещё вовсе не следует, чтоб в Венеции образовалась бы литература своя, в Неаполе своя, в Гамбурге своя, в Мюнхене опять-таки своя. Разумеется, на это можно возразить, что южнорусский народ не какая-нибудь Сицилия, не какой-нибудь берег немецкого моря, а что это народ в пятнадцать миллионов, и что язык (если его только можно назвать языком) этих пятнадцати миллионов имеет полное право на то, чтоб к нему относились с уважением, и то чтоб он сделался литературным языком пятнадцатимиллионного племени. Спрашивается, насколько это пятнадцатимиллионное племя свободно от своих преданий. Пятнадцатимиллионный народ может или отрешиться от всего своего прошедшего и во имя того, чтоб каждый полуграмотный человек возымел бы право писать все, что ему угодно, следует ли, чтоб целое племя отказалось от своей литературы, которую оно само создало. Может ли пятнадцатимиллионный народ отречься от своего прошлого и начать жизнь заново? Были в Киеве писатели, в Остроге библия печаталась. Может ли и благоразумно ли поступит этот народ, если он во имя интересов цивилизации плюёт на все своё прошлое и дойдёт до того, что перестанет понимать, что пи-

сали отцы его, что язык отцов его станет ему чуждым? До сих пор была литература русская, принадлежавшая одинаково как северным, так и южноруссам. Выкинуть всю эту литературу за ворота, пожалуй, можно. Сербь сумели это сделать. Начать жизнь заново – но кто же поведёт эту жизнь заново? Если даже мужик южнорусский на подобную проделку и согласится, то чем же гг. агитаторы подобной проделки заменят ему то, что у него уж есть» [17: 82–83].

Само украинофильство, как писал В. Кельсиев, «вышло из России; до шестидесятых годов об нем никто здесь и понятия не имел. Вдруг, во время повстанія, здешняя молодёжь заговорила о казачине, стала одеваться как-то по-казацки и стала пить горівку: упоминаю об этом обстоятельстве нарочно. Казачество было, разумеется, хорошим явлением в истории Южной Руси, но казачество можно толковать, как угодно. Турецкие украинофилы, казаки Садык-паши, усвоили себе только казацкую удаль – грабят и пьянствуют, как настоящие запорожцы, хоть в состав их входят и не одни русские: там найдёте поляков-католиков, цыган без всякой веры, болгарских и сербских гайдуков и даже сынов Израиля офицерами и солдатами. Но там украинофильство дело искусственное; почему же в Галичине оно приняло тот же самый оборот? Украинофилами явились

здесь студенты, и весь их антимоскальский патриотизм выразился в пении народных песен и в *пьянстве*: ни одной жизненной идеи оно не вынесло. Серьёзные люди (сами *entre nous* soit dit *хохлы*) к нему не пристали, а почему именно не пристали – я до сих пор не могу добиться. “Мы получили основательное образование в австрийских учебных заведениях, говорят они; мы уважаем науку и её орган – наш общий язык; мы не хотим разрывать с нашим целым прошедшим во имя од-

Титульный лист
книги «Галичина и Молдавия.
Путевые письма
Василия Кельсиева» (СПб., 1868).

ного периода нашей истории – с великим княжеством киевским, за велике князтво кїївске...” Не знаю хорошенько их доводов – у меня времени нет изучать отдельные здешние вопросы – но будь я сила и власть в России, я перехватал бы завтра всех наших украинофилов и сослал бы их в Галичину месяца на два, на три. Пусть потолкуют там с своими земляками, с учёными, которые даже и *по-москальски* не знают, а говорят какой-то *украиньской мовой!* Началось с того, что молодёжь вдруг облеклась по-казацки, запела, запила, принялась ругать москалей и мечтать об образованы не то отдельного малороссийского государства, не то малороссийского государства под скипетром австрийского дома, не то в союзе с Польшей, не то с Турцией. Украинофильство есть, а идеи украинофильской нет; да и быть не может. <...> Украинофильство оборвалось как сила – оно стало работать, как идея и появилось в образе “Меты”, органа южно-русской народности. “Мету” следовало бы перепечатать в России и распространить как можно шире, если думают, что украинофильство имеет какую-нибудь будущность. Характеристику этого единственного органа русского сепаратизма, можно указать то, что в нем нет ни одной дельной статьи. Все какие-то пробы пера разных гимназистов и студентов. “Мета” войну объявляет москалям – и не приводит ни одного довода, почему именно Малорусии не нужны москали и почему она с ними жить не может. Она прямо говорит, что рассчитывает только на студентов и чуждается стариков и вообще зрелых людей... то есть, всего, что знакомо с жизнью не по теориям, а на практике, что идёт за реальным, а не за фантазией. Понятно, что такие партии не могут держаться, потому что каждый приходит в зрелый возраст и каждый, рано или поздно, получает возможность опытом убедиться, насколько всеспасительны и приложимы его юношеские утопии. Пусть южнорусская молодёжь украинофильствует, носит шаровары в Черное Море, пьёт горилку и поет гайдамацкие песни – молодое пиво перебродит, только бы не фанатизировать его преследованиями и гонениями. “Мета” продержалась всего один год (1865), да и то не целый. Г. Ксенофонт Климкович, *видавець и редактор*, задолжал евреям и *втик* куда-то в деревню, оплакивать равнодушие Руси к судьбам Руси! тем все дело и кончилось» [17: 73–75].

В Вышатицах (в 1,5 милях (около семи вёрст (одна верста – 1,06 км) от Перемышля. – С.С.) В. Кельсиев попросил местного священника о. Максимилиана, швагера (зятя) о. Иустина, поводить его «по халупам: мне хотелось познакомиться с архитектурой и костюмом здешних русских». Зайдя в дом лучшего на селе *газды* (хозяина. – С.С.), автор обратил внимание, что «всё очень и очень бедно»: «Халупа деревнянная, но построена не так, как великорусская изба, не венцами и

не ключ, а бревна вкладываются в пазы боковых столбов, обтесаны с боков, вымазаны глиною и выбелены. *Стреха* из соломы скошена не с двух сторон, а со всех четырех. Внутренность делится на *сени*, на *пекарню*, на *светлицу* и на *комору*. Пекарня с печью, перед которою *припечка* (*огнище* у словаков, болгар, сербов). Трубы нет – дым дверью выходит. Курные избы не вывелись здесь до сих пор. Пекарня есть собственно жилая *изба* здешнего крестьянина, но у богатых как у этого хозяина, есть ещё *светлица*, с кафельною печью, окруженною скамейками, на которых и спать можно. Стена против двери украшена образами, но ни над окнами, ни в красном углу их не ставят – это уже напоминает южных славян, как и отсутствие всяких привесок, голубей, яиц, лампад, кивотов. Затем, красный угол совершенно загорожен столом, который прижат к окну одною стороною, а другою примыкает к большой *скрыне* на ножках, которая может служить продолжением этого стола в случай нужды. Скрыня эта, в свою очередь, жмется к постели. Пол мазаный. На столе каравай хлеба, покрытый куском холста, тут же и соль – это символ гостеприимства, и таков обычай у всех здешних русских, даже и в Венгрии. Балка, идущая под потолком, изукрашена цветами и резьбою – это должно быть весьма древний славянский обычай: я его встречал у всех племён. Здесь на ней вырезают кресты, а у богатого крестьянина, к которому меня водил отец Максимилиан, даже была надпись сделана церковными буквами, которую я, увы! оплошал списать; что-то вроде: *да будет благословение Божие на создателя дома сего Феодора и Марию и на чад их* – по крайней мере, смысл таков. Вырезано очень красиво и грамотно» [17: 34, 40–41].

«*Комора*, – пишет автор, то, что у нас клеть. Тёмная комната без печи, где хранят всякий домашний скarb, и где стоять *сусеки* с хлебом. Кругом всего здания халупы идёт обыкновенная южнорусская *призба*, то же что наша завалинка. Лохань – по-ихнему *цебрик*, ступица колеса – *голова*, бок телеги (воза) – *драбина* или *литерка*. Особенностью здешней архитектуры являются плетни: «...делают их из лозы, – работа мелкая, частая и подогнана в рисунок, полосами, с большим вкусом; концы веток идут то в одну сторону, то в другую; сам плетень состоит из горизонтальных полос, а верх из вертикальных». Сарай (*топы*, *стодолы*) делаются тоже из плетня, что «снова напоминает южных славян. Плетнёвые квадратные щиты прижимаются деревянными щеколдами к столбам, и сарай готов – стоит только соломенную стреху навести. Эта архитектура носит следы глубокой древности; она напоминает кочевой быт» [17: 41–42].

В. Кельсиев обратил внимание, что «расшивка *сорочек* красными нитками встречается редко; когда встречается, то шитье всегда четырёхугольниками, т. е. народное северно-славянское; травчатого и

здесь нет. Византия с её малоазийскими вкусами мало имела влияния на русских. Мужчины носят длинные волосы, спереди в скобку, сзади по плечам; вообще, покроем сорочек, причёска, лица сильно сбивают на румынские, и мне кажется, что славянский элемент румын состоял именно из южноруссов» [17: 42].

В своих письмах В. Кельсиев указал «не замеченную, кажется, ни одним этнографом разницу между *руси́нами* и *русна́ками*, между жителями поля и гор, между хлопами и мужиками». Об этой разнице он пообещал изложить «в отдельном иллюстрированном сочинении, в которое войдут мои археологические и этнографические исследования» [17: 139]. К сожалению, осуществить задуманное не удалось. Мужиками и руснаками он назвал жителей Буковины, где не было крепостного права: «У русинов только хлопы, у руснаков только мужики; язык руснаков из всех южнорусских наречий ближе к великорусскому» [17: 288].

Когда его везли через Буковину для депортации в Молдавию, В.И. Кельсиев спрашивал у ямщиков, обыкновенно руснаков (второй этноним у русинов. – С.С.), какая у них церковь. На это они отвечали: молдавская, а вера – русская, молдавская. Касательно национальности они отвечали, что руснаки, не молдаване. Исследователь считал, что, когда в Буковину в конце XVI – начале XVII в. стала проникать уния под именем «русская вера», руснаки её отвергли. А так как «уния сделалась верой *русской*, но руснаки принять её не хотели, и поэтому, свою веру, т. е. восточную, стали называть молдавскою. Это чрезвычайно усилило в Буковине молдавский элемент. Чтoб быть православным, нужно было не держаться русской веры и перестать быть русским; поэтому, руснаки и стали делаться молдаванами. Там, где теперь сохранилось православие – а это в большей части Буковины – в церквях церковный язык произносится точно так же, как у нас, т. е. говорят: “Gospody”, а не “Hospodi”, говорят: “veruju”, а не “viruju”, – униат произносит церковные слова по-южнорусски» [17: 288–289].

Позже, в очерке «Румыны» (Нива. 1871. № 1) он несколько конкретизирует понятие «молдавская вера»: «В переводе на общепринятый язык это значит, что он не униат, потому что уния стала там считаться верою русскою, а молдованская вера, т. е. православная – верою национальною, и потому бедный буковинский мужик ходит в церковь, где служат по-румынски (по-румынски. – С.С.)» [21: 6]. К такому же выводу пришёл В. Крестовский, который считал, что «противники русского народа стараются ввести в этот народ название “волошская церковь”, “волошская вера” (в данном случае слова «молдавская» и «волошская» выступают синонимами. – С.С.) вместо

“православная вера” и “русская церковь”, убеждая тёмных крестьян, что это-де всё равно». В результате по данным переписей растёт численность румынского и польского населения, а русского сокращается [45: 55–56]. Об этом же писал А.С. Будилович, тоже обративший внимание на то, что все буковинские гуцулы – православные, а не униаты: «Зовут же они себя и волохами, но не русскими... потому что “волох” действительно ещё упорней в православии, чем русский» [44: 172].

В очерке «Румыны» В. Кельсиев поднял вопрос о влиянии славянского фактора в истории Молдавии и продолжающейся ассимиляции малороссов: «До XIV века нынешняя Молдавия вся говорила по-славянски, а до XVII, почти даже до XVIII века славянский язык, смесь болгарского с малорусским, в ней не заглохал; это доказывается множеством церковных книг и всякого рода рукописей, находящихся в настоящее время в разных монастырях и церквях земли молдавской. Славянский язык, наречия весьма близкого к русскому, господствовал по Дунаю, но в XIV веке, вследствие разных политических потрясений, румыны (после объединения Дунайских княжеств (Валахии и части Молдавии, без Буковины и Бессарабии в единое государство в России её местное население, как и в самих княжествах, стали называть румунами (румынами). – С.С.) двинулись на восток и стали обрумунивать местное славянское население. Обрумунивание это продолжающееся до нашего времени, – факт чрезвычайно странный и замечательный». Он обратил внимание, что в Молдавии и Валахии можно встретить довольно большое количество малороссов (русинов. – С.С.), которые сбежали от своего пана, польского шляхтича. Причём они уже не могут «объясниться с вами по-русски, или по-малорусски; лет в пять русский язык делается для него вовсе чужим, и если он называется ещё, как один из знакомых пишущему эти строки, Васильем Рус, то тем не менее, его костюм, его манеры, самая пища его уже вовсе не русские». В то же время, отметил автор, «великорусы удерживаются пред подавляющим влиянием этой румынской национальности». По мнению В. Кельсиева, это происходит из-за того, что «его борода, его рубаха с косым воротом, его обряды сильно препятствуют его слиянию с другими народностями». А «бритый и усатый малорус без большой борьбы и без всякого сопротивления надевает стёганную ватную румынскую куртку – и так же легко делается румуном, совершенно забыв все своё прошлое; начинает ходить в румынскую церковь, так что его отличить от кровного румуна даже нельзя будет». Румыны (валахи, волохи. – С.С.), спустившись с Карпат и встретившись с малороссами, заставили их говорить по-своему без всякого усилия – и

довели до того, что ныне почти вся Молдавия и половина Буковины говорит не по-малорусски, а по-молдавски» [21: 6].

Коснулся В. Кельсиев и судьбы Буковины: «Буковина – край до такой степени забытый Россией (хотя давным-давно там живёт почти исключительно русский народ, и почти в каждом селе услышите русский язык), что до сих пор ни в литературе русской, ни в обществе русском, ещё ни где не раздался голос о том, что этот край следовало бы нам воротить, точно также как Галичину, и что там борьба русского элемента с румынским идёт не на живот, а на смерть, и что там австро-мадьярское правительство делает все возможное для поддержки этого румынского элемента, с целью разрушить все русское» [21: 6].

В заключение очерка В. Кельсиев написал: «В настоящее время княжества Молдавия и Валахия соединились под общим именем Румунии и ждут, что к ним присоединится ещё Трансильвания (а ещё и Буковина с Бессарабией. – С.С.). Мы можем пожелать им всякого успеха и всякого блага, но не можем мы не отнестись скептически к возможности такого соединения, потому что знаем ту глубокую ненависть, которую питает в душе каждый молдованин (начиная от боярина) к валаху, и то гордое презрение, с которым относится к нему австрийско-трансильванин» [21: 6].

В. Кельсиев один из первых в России поднял тему русского населения Галичины, донеся до читателей информацию «о неведомом русском крае»¹⁸ [17: II]. Некоторые его мысли, выводы и прогнозы не потеряли значимости и сегодня. К сожалению, В. Кельсиеву не удалось завершить ряд исследований, в т. ч. по истории происхождения русского народа и этнографических отличиях русских галичан и буковинцев.

Примечания

1. В. Кельсиев в «Исповеди» упоминает, что к Герцену часто приезжали из России высокопоставленные лица и «тайна свидания их с ним так и остаётся тайной на долгое время, когда выйдут в свет не изданные главы его записок “Былое и Думы”, которые много прольют свет на историю этого периода. Собственные имена в доме Герцена не произносились, или произносились очень редко. <...> Кого только не перебивало при мне у Герцена! – бывали губернаторы, генералы, купцы, литераторы, дамы, старики и старухи бывали, студенты, – точно панорама какая-то проходила перед глазами, точно водопад лился, и это не считая тех, с которыми он видался с глазу на глаз. <...> Серьёзные свидания составляли, как я сказал, тайну Герцена и Огарёва; свидания и приёмы не серьёзные делались раз в неделю

(впоследствии два раза), в назначенный день, обыкновенно в воскресенье, с пяти часов вечера. Тут-то и была каторжная работа обоим издателям “Колокола” – занимать гостей, быть любезными со всеми, выслушивать всякий вздор и не показывать вида, что скучно. А не принимать тоже было нельзя; каждый приезжий все-таки привозил какие-нибудь новые сведения, да и в интересах пропаганды необходимо было знакомиться с каждым ищущим знакомства» [15: 180–181].

Говоря о т. н. партии беспорядка, В. Кельсиев отметил, что «официальные сведения о ней неверны, потому что составители официальных записок всякого рода (как я убедился, сличая изданные мною официальные записки о расколе с тем, что есть на деле), всегда преувеличивают опасность, по весьма естественному желанию и отличиться перед начальством усердием, и поддаться под его личный взгляд, а, пожалуй, ещё и из страха навлечь на себя ответственность, если из партии, которая поручена им для исследования, вдруг и в самом деле возникнет что-нибудь опасное. То же надо заметить и о показаниях, даваемых обвиняемыми при следствиях: они запутывают дело или по незнанию, или умышленно, чтоб отвертеться; фанатики из них преувеличивают опасность из хвастовства, или из желания стяжать мученический венец; малодушные, блудливые как кошки и трусливые как зайцы, попав в руки правительства, пугаются своей участи и, чтоб спастись, начинают каяться в тюрьме, – а это уж самый неблагоприятный мотив раскаяния, – и плетут на своих товарищей все, что попало, из страха и из желания подслужиться следователям и судьям. Затем, сочинения и прокламации самих деятелей оппозиции также не заслуживают доверия, – это я уж по личному опыту знаю. Когда мне пришлось сделаться агитатором, как это расскажу впоследствии, я сплошь и рядом должен был привирать о располагаемых мною средствах; я должен был, как это ни было мне противно, туманить глаза людей, на которых приходилось действовать преувеличенными рассказами о силе и значении нашей партии в России. Политические и религиозные агитаторы, революционеры, социалисты, иезуиты, молокане, спириты, все прибегают к этому способу; – послушать любого из них, то мир только его сторонниками и держится, а будущность цивилизации только его секте или партии и принадлежит, тогда как на деле-то оказывается, что история человечества идёт по диагонали двух сил: силы предания или привычки и силы толчка, даваемого ей новыми учениями, – поэтому ни одна партия и ни одна секта никогда не достигают своей цели» [15: 182].

2. Имеется ввиду Владимир Аристович Энгельсон (1821–1857), русский революционер, публицист, эмигрант, сотрудник А.И. Герцена.

3. Артур Вильям Бенни (1839 или 1840–1867) родился в Томашове-Мазовецком Царства Польского. Он был сыном лютеранского священника Яна Якова Бенни, полунемецкого–полуитальянского происхождения (предки которого были евреями), женившегося на англичанке Мери Уайт.

Дома они говорили по-английски: после окончания польской гимназии в Петркове, Артур уехал к родственникам в Англию для продолжения образования. Там, по его собственному свидетельству, он целый год посвятил изучению славянских и восточных языков (в том числе монгольского и «сибирского») в Британском музее. Бенни стал британским подданным, получил место в Военном министерстве и работал в Лондоне, затем в его окрестностях, в Вулвичском Арсенале. Ещё до переезда в Лондон он заинтересовался Герценом. В ноябре-декабре 1858 г. познакомился в А. Герценом. В июле 1859 г., оставив государственную службу, Бенни переехал за город и стал служить секретарём у некоего английского аристократа. В 1860 г. познакомился с В. Кельсиевым. В ноябре 1860 г. приезжает в Париж изучать медицину. Там знакомится с русскими (в частности, с И.С. Тургеневым, князем П.В. Долгоруким) и представителями других славянских групп, проживавших в Париже. В конце июня 1861 г. приезжает в Санкт-Петербург. Он привёз с собой рекомендательное письмо В. Кельсиева к члену организации «Земля и воля» А.И. Ничипоренко, который познакомил его с Н.С. Курочкиным, С.С. Громекой и Н.В. Альбертини. В Москве он сблизился с Н. Лесковым. Вскоре появились слухи, что А. Бенни является агентом III Отделения. В жизни Бенни важную роль сыграли два адреса императору, написанные в 1861 г.: о введении конституции (по свидетельству Кельсиева, был составлен и распространялся Бенни) и написанный Тургеневым, вероятно, в конце 1861 г. (в конце документа есть примечание: «Проект адреса Государю, писанный в 1860-м году. Он был вручён Бенни, но впоследствии истреблён»). В 1862 г. А. Бенни выпускает две прокламации от имени «тайного общества "Русская правда"» (в нём было четыре человека вместе в Бенни). В них критиковалось правительство, предсказывалась революция и выражалась симпатия к полякам. Правда, в конце 1863 г. он разочаровался в польском восстании. Последние два года жизни Бенни в России были омрачены клеветой и финансовыми затруднениями. Н. Лесков помогал ему в поисках переводов и поселил у себя. За долги А. Бенни посадили в долговую тюрьму. Он также был приговорён к трехмесячному заключению и высылке из России навечно за несообщение сведений о прибытии в Санкт-Петербург В. Кельсиева, «неосуждённого государственного преступника». После изгнания из России Бенни в 1865 г. сотрудничал в английских газетах и журналах. После прощения В. Кельсиева и разрешения ему жить в России А. Бенни тоже обратился через И. Тургенева и П. Анненкова к начальнику жандармерии, начальнику III Отделения и шефу корпуса жандармов графу П.А. Шувалову с письмом, в котором умолял позволить ему возвратиться в Россию и дать возможность «стать истинным и преданным подданным русского царя <...> полезным членом великой русской семьи». П. Шувалов наложил резолюцию: «Повременить впредь до востребования». А. Бенни поехал корреспондентом английской газеты в Италию, сопровождал гарибальдийские отряды в

их втором походе на Рим, попал в плен. 8 декабря 1867 / 9 января 1868 г. А. Бенни умер от смертельной раны, полученной в битве у Ментаны [51: 617–622, 631–633].

4. 28 июля 1862 г. А. Ничипоренко был арестован по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами» («Дело 32-х»). В ходе следствия он дал признательные показания.

5. Точка зрения о материалах В. Кельсиева в газете «Общее вече», приложении к «Колоколу», изложена в статье «Новые подвиги наших лондонских агитаторов»:

«В мелких статьях *Общего веча* предлагают такие известия, над которыми вдоволь нахохочется простонародье, если дойдут до него листки г. Кельсиева. Так, например, известно, что на Нижегородскую ярмарку нынешнего года был командирован генерал фон-дер-Лауниц (Владимир Фёдорович фон дер Лауниц (1855–1907) – генерал-майор, тамбовский губернатор (1902–1905), санкт-петербургский градоначальник (1905–1906), убит революционером-террористом двумя выстрелами в голову во время торжественного освящения новой клиники Петербургского института экспериментальной медицины. – С.С.) для наблюдения за действиями местной полиции на ярмарке и в приволжских губерниях. Мы знаем о действиях генерала Лауница, знаем, что первостатейное русское купечество, а также Армяне и подданные бухарского эмира благодарили его адресами за охранение порядка на ярмарке. Известно и то, что дела нынешней ярмарки, вопреки ожиданиям, были несравненно лучше, чем в последние годы. А г. Кельсиев говорит, что “нижегородскую ярмарку оцепили войском, под командою генерала Лауница”, что “Нижегородская губерния в самое рабочее и прибыльное время будет *разорена постоем*, а торговля на ярмарке *сзнетена* *военно-полицейскими притеснениями*”, что “ярмарка, на которую собиралось купечество и крестьянство со всех концов России, где торговый человек и рабочий человек находили дело и прибыль, – ярмарка, которая в этом году безденежья и обеднения хотя бы сколько-нибудь да поправила торговые дела и поддержала людей, её то именно в этот год правительство и вздумало *сгубить* *военною осадой* *середь мира*”. Действительно, на нижегородскую ярмарку и в нынешнем году собиралось купечество и крестьянство со всех концов России и во все концы России разнеслась весть, что дела торговые на ярмарке 1862 года шли лучше чем в прежние годы, что с генералом Лауницем не то что корпуса, но и роты солдат не было, что лишнего постоя в Нижегородской губернии не было, что никакого осадного положения не было, что больше всего не поздоровилось на ярмарке ворами и мошенникам, обыкновенно съезжающим к Макарью; они действительно были *сзнетены* и *бежали* с ярмарки ради самосохранения, вследствие чего не было воровства на ярмарке и не слышно было казённой песни. Кому больше поверит русское простонародье: этим ли господам, проживающим в Лондоне, или

полумиллиону своей братии, бывшей на ярмарке и видевшей что там происходило? И поверит ли оно известиям, сообщённым *Общим вечем*, когда издатели его говорят такую наглую ложь, как осада ярмарки целым корпусом войска, разорение ярмарочных торговцев постоем и военно-полицейскими притеснениями и проч. Свидетелей, что все это умышленная ложь, полмиллиона, если не более, людей, собиравшихся на устье Оки со всех концов России» [12: 436–437]. В своё время И. Кант в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797) подверг критике мнение французского философа Б. Констана, высказанное в статье о политических столкновениях мысли, что «говорить правду есть обязанность, но только в отношении того, кто имеет право на такую правду, которая вредит другим». И. Кант написал, что «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть правдивым (честным)» [16: 292, 294].

6. Чайковский Михаил Станиславович (Садык-паша, 1804–6(18).01.1886) – общественно-политический деятель, писатель, участник польского восстания 1830 г., офицер турецкой армии. Родился в с. Гальчин Гальчинец Житомирского уезда Волынской губернии (ныне село Бердичевского района Житомирской области) в польско-малоросской шляхетской семье, униат. По семейному преданию, по материнской линии был потомком кошевого атамана Запорожской Сечи, гетмана Его Царского Пресветлого Величества Войска Запорожского Ивана Брюховецкого. Участвовал в Польском восстании 1830–1831 гг., после поражения которого эмигрировал во Францию. Сотрудничал с польским эмигрантом князем Адамом Чарторыйским. По его поручению возглавил восточное агентство в Стамбуле (1841 г.), откуда координировал подрывную деятельность в южных регионах Российской империи. Принял турецкое подданство и перешёл в ислам (1850). Во время Крымской войны 1853–1856 гг. организовал и возглавил казачий полк, участвовавший в военной кампании 1854 г. К Польскому восстанию 1863 г. М. Чайковский отнёсся отрицательно. В 1873 г. попросил помилование у императора Александра II, вернулся в Россию и обратился в православие. Покончил жизнь самоубийством. Оставил две книги воспоминаний и многочисленные литературные труды [43].

7. Гончаров [Гончар, Ганчар] Иосиф [Осип] Семёнович (3.11.1796–1879) – атаман некрасовцев (потомков донских казаков, раскольников-поповцев, удалившихся после Булавинского бунта под предводительством атамана Некраса сначала на Кубань, а потом в Турцию, в Добруджу), старообрядческий деятель, способствовал учреждению Белокрыницкой иерархии. Пользуясь уважением односельчан, был ходатаем по общественным делам. В 1829 г. И. Гончаров с частью старообрядцев переселился в Россию, в окрестности Измаила, где наряду с основанной ранее Старой Некрасовкой появилась Новая Некрасовка, был выбран поверенным по делам некрасовцев и бе-

глопоповцев в Измаиле. В результате разногласий с некрасовцами в 1837 г. вернулся в Сарикей, занимался торговлей, ходатайствовал о некрасовцах перед турецким властями. На И. Гончарова обратил внимание М. Чайковский (Садык-паша), который хотел привлечь старообрядцев на борьбу против России. В ноябре 1847 г. несогласные с принятием белокрыницкого священства некрасовцы из селений Сарикей и Слава написали властям донос, в котором утверждали, что жители с. Журиловка и И. Гончаров «присоединились к грекам» и могут быть опасными для турецкого правительства. Рукоположенные митрополитом Амвросием для задунайских некрасовцев духовные лица (епископ Аркадий (Дорофеев), иеромонах Евфросин и диакон Иаков) и несколько мирян, в их числе и И. Гончаров, были посажены в тюрьму. Ему пришлось просидеть 7 месяцев в заключении. Вышел благодаря хлопотам М. Чайковского. И. Гончаров поселился в Стамбуле. Султан Меджид приглашал его для обсуждения русско-турецких дел. Из Франции к нему приезжали А. Мицкевич и князь В. Чарторийский. Во время Русско-турецкой войны 1853–1856 гг. помогал М. Чайковскому в формировании отряда султанских казаков. После окончания войны вернулся в Добруджу. В 1862 г. ездил в Париж для встречи с русскими и польскими эмигрантами, которые рассчитывали использовать казаков-старообрядцев в борьбе против России. Переписывался и в Лондоне встречался с А. Герценом и Н. Огарёвым. Надежды эмигрантов не оправдались: казаки-старообрядцы отказались выступить против России. В 1864 г. И. Гончаров оказал важную услугу некрасовцам: исходатайствовал у турецкого правительства отмену казацкого положения, т. е. освободил их от бесплатной казацкой службы и, наравне с прочими христианскими подданными султана, они были обязаны вносить ежегодно в казну денежную рекрутскую повинность. Несмотря на неоднократные приглашения русского правительства, И. Гончаров отказывался от переезда в Россию. Но уже в преклонном возрасте он с Высочайшего разрешения поселился в Хвалынске, в окрестностях которого находятся известные старообрядческие скиты. Перед смертью принял там монашество с именем Иоасафа. Погребён там же. В окрестностях г. Измаила (Одесская область) сохранилась память о И. Гончарове. Некоторые старики в некрасовских сёлах в начале ХХI в. называли себя «гончаровцами», считая его своим дальним родственником [1].

8. В. Кельсиев в «Исповеди» писал: «Месяца в два мне удалось проверить мои прежние выводы и убедиться, что открытый мною метод может повести к колоссальным результатам, что есть возможность определить домашний и политический быт и верования славян в VII, VIII и IX веках, а равно и указать на связь нашу с Индией в какие-то, до сих пор неизвестные мне времена. По крайней мере, я нашёл в “Ведах и в Пуранах” прямые указания, что санскриты знали о нашем существовании на северо-западе от Индии, и что были очень высокого мнения о нашей образованности. Затем я невольно

пришёл к заключению, что предания и сказания наши древнее германских и сохранились в более первобытной чистоте, что сказки, которые у нас каждый ребёнок знает, суть отрывки из древней, всем индоевропейцам общей поэмы о сотворении мира, которая даже у санскритов и греков не сохранилась в такой первобытной форме, как у нас. В связи с этими исследованиями, я занимался сравнением славянских наречий и быта отдельных племён, что дало мне возможность разъяснить их древнюю историю и указать на происхождение каждого. Так, я имею теперь положительные данные, что мы, великорусы, вовсе не происходим от финнов и татар, как утверждают поляки, и что в быте нашем татарщина не оставила никаких резких следов; а что, напротив того, нигде славянство не сохранилось в такой чистоте, как у нас; – о чем и думаю написать серьёзное исследование в ответ Духинскому, Мицкевичу, Henri Martin, Viquesnel и прочим шарлатанам науки» [15: 294–295]. К сожалению, исследование он так и не закончил.

9. В. Кельсиев в «Исповеди» упоминает, что он не понравился галицким русским: «Мои “беспристрастные” суждения о поляках и о малорусах сильно их рассердили, так что они стали упрекать меня в украинофильстве и в полонофильстве. Я спорил, говоря, что каждая народность должна иметь права на независимое существование, развивать свой язык, жить по своим обычаям – короче, я говорил тоже самое, что проповедовала наша литература в 1862 году, когда я, с отъездом моим в Цареград, перестал следить за нею. Галичане и русские угры держались другого мнения. Русское государство, говорили они, вырабатывает язык и право обязательное для всего славянства, а тем более для русских племён. Оно одно представляет реальную силу славянства, и, как всякие швабы, фризцы, тирольцы, стремятся к слиянию с Пруссией, создавшей на границах германского мира, так и славяне не могут не тянуть к России, возникшей на крайнем рубеже славянства. В этом одно их спасение от ненавистного славянскому духу германизма, и потому всякое слово против расширения языка, права и границ России – измена славянству; а поляки и украинофилы преступники против него, так как они стремятся к сепаратизму. Взгляд этот разделяли все славяне...» [15: 295–296].

10. В 1868 г. Д. Минаев написал статью «Наши призраки (журнальные размышления и выводы)» (Неделя. 1868. № 32, 34). В ней он осудил «Преступление и наказание», «Идиот» Ф. Достоевского и «Дым» И. Тургенева. В них он увидел «полнейшую проституцию мысли», «пасквиль на все молодое, на все, что работает, думает, учится» [8: 749].

11. До революции были опубликованы письма В. Кельсиева к Д.В. Аверкиеву (Русская старина. 1882. № 9. С. 634–637) и к архимандриту Кириллу (Православный собеседник. 1867. № 2. С. 114–120) [36: 165].

12. По словам В. Кельсиева, «большинству эмигрантов жить было нечем, за работу же эмигранты принимаются очень неохотно, в ожидании, что не сегодня завтра снова заварится каша, тунеядничают, интригуют и кончают

обыкновенно очень плохо» [15: 183]. Говоря о А. Герцене и Н. Огарёве, он отметил: «В 1860 году каждый приезжий слушал их с благоговением, в 1861 начали робко возражать им, в 1862 с ними уже спорили и прямо в глаза им говорили, что они забыли Россию. Даже мне наедине жаловались на промахи и на политическую несостоятельность Герцена и Огарева» [15: 187].

13. Терлецкий Ипполит (в монашестве – Владимир; 1808–17.01.1888) – церковный деятель, доктор богословия (1843). Родился в Старокопачинском уезде Волынской губернии в ополяченной малороссийской семье. Род ведёт своё происхождение из Галичины. Участвовал в польском восстании 1830–1831 гг. Был членом тайной организации «Содружество польского народа». После подавления восстания эмигрировал в Краков, где получил степень доктора медицины и женился на польской поэтессе Анне Шугт. После смерти жены в 1835 г. переехал во Францию, где вошёл в круг общения князя А. Чарторыйского. В 1842 г. окончил духовную академию в Риме, принял духовный сан. Разработал проект сближения восточной православной церкви с римско-католической. По согласию с Папой Римским Пием IX перешёл в греко-католический обряд. В 1848 г. нелегально побывал во Львове, где пытался выяснить отношение греко-католических епископов Галиции к планам сближения восточной и западной церквей и привлечь польские политические круги к активному участию в общеславянском движении (миссия оказалась безрезультатной). С 1857 г. проживал в Австрии, впоследствии переехал в Закарпатье. В 1858 г. вступил в орден василиан, был игуменом Мало-Бережнянского и Краснобродского монастырей. Поддерживал тесные контакты с А. Духновичем. В марте 1862 г. переехал в Галицию, где под наблюдением полиции находился в Онуфриевском (Львов) и Гошевском монастырях. Был одним из инициаторов обрядового движения, которое стремилось к очищению обрядов греко-католической церкви от латинских влияний. Польская пресса обвинила его в распространении схизмы (православия) и в июле 1863 г. он был депортирован в Мукачево. Из-за преследований венгерских властей обратился с письмом к императору Александру II и в сентябре 1872 г. вернулся в Россию. Перешёл в православие, вскоре получил титул архимандрита. Жил в Киевском Свято-Михайловском Златоверхом монастыре, затем в Житомире и Одессе. Написал ряд работ, в т. ч. мемуары (вышли после его смерти) и брошюру «Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии» (1874) [41].

14. Некоторые идеи В. Кельсиева уже к тому времени осуществлялись. К примеру, на Холмщине в результате договорённостей Ф.Г. Лебединцева появилось большое количество священников из Галичины. Благодаря деятельности русской администрации, школьных дирекций в местах компактного проживания русинов (во главе с Ф.Г. Лебединцевым, Е.М. Крыжановским), призванных священников из Галичины и части местного духовенства произошло возрождение греко-униатского населения края, которое привело в

1875 г. к воссоединению холмских греко-униатов с православной церковью. После воссоединения многие выходцы из Галичины продолжали нести здесь свою службу (см., например: [46–49]).

15. Говоря о Галичине и её русском (русинском) населении, в «Пережитом и передуманном» В. Кельсиев дал верное объяснение термина «Галичина»: «Галицией я называю западную часть польских земель, доставшихся Австрии, т. е. все пространство от реки Сяна (“знай Ляше – по Сян наше”) на север до Кракова, где города исключительно польские или, пожалуй, еврейские. Ту же часть страны, которая лежит от реки Сяна на юг вплоть до Буковинской границы я называю Галичиной» [19: 391–392]. В «Галичине и Молдавии» он подчеркнул: «В первых моих письмах я писал “Галиция”, но благо есть русская форма этого слова Галичина – другой здесь и не знают – то я не вижу, зачем употреблять латинскую» [17: 39]. О терминологии см.: [50: 276].

16. Иосафат (при рождении Иван (Ян) Гаврилович) Кунцевич (1580–1623) – епископ Русской униатской церкви, архиепископ Полоцкий (с 1618 г. до своей смерти), основатель монашеского ордена Василиан. При привлечении к унии православного населения часто использовал силовые методы, за что получил в православной среде прозвище «душехват». В католической церкви прославлен как мученик и святой.

17. Максимилиан Станислав Рылло (1802–1848) – выходец из бедного шляхетского рода, уроженец деревни Подороск Волковысского уезда Гродненской губернии, миссионер на Ближнем Востоке и в Африке, востоковед, археолог, ректор Папского Урбанианского университета.

18. В своих письмах В. Кельсиев уделяет много места своим встречам с галичанами, в т. ч. со священниками, вопросам унии, украинофильства, кулишовки, началу русинского возрождения с 1848 г., пишет о деятелях русинского движения (в частности о Я.Ф. Головацком, о. Иоанне Наумовиче и др.), упоминает Дом Народный во Львове, украинофильскую и русскую прессу, рассказывает о тяжёлом положении крестьян (хлопов), высказывает своё мнение о славянском единстве. По его мнению, «вся цель и идеал славянства состоит в том чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться в один народ, возыметь один язык, одну азбуку, одну церковь, так, чтоб чех считал бы себя в Москве так же дома, как великорус будет считать себя дома в Праге» [17: 81] и т. д. К сожалению, в данной статье всё это изложить не представляется возможным из-за большого объёма информации.

Литература

1. Агеева Е.А. Гончаров [Гончар, Ганчар] Иосиф Семёнович // Православная энциклопедия. Т. 12: Гомельская и Жлобинская епархии – Григорий Пакурин. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2006. С. 81–83.

2. Агеева Е.А. Кельсиев Василий Иванович // Православная энциклопедия. Т. 32: Катехизис – Киево-Печерская икона «Успение Пресвятой Богородицы». М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2013. С. 366–368.

3. В.К. [Василий Карцев]. Кельсиев (Василий Иванович, 1835–72) – писатель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). Т. XIVа: Карданахи – Керо. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1895. С. 911–912.

4. Василий Иванович Кельсиев (некролог) // Нива. 1872. № 42. 16 октября. С. 667–668.

5. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей: в 4 т. Т. 3: Карамышев – Ломоносов. Петроград: Типография Императорской академии наук, 1914. [4], 524 с.

6. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 11: Былое и думы, ч. 6–8. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 815 с.

7. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 29: Письма 1867–1868 годов, кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 399 с.

8. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 29: Письма 1867–1868 годов, кн. 2. М.: Наука, 1964. 456 с.

9. Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинёв, 1973. 540 с.

10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28. Кн. 2. Письма 1860–1868 / текст подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Ленинград: Наука. Ленинград. отделение, 1985. 616 с.: ил.

11. Д.М. [Минаев Д.Д.]. Журнальные арабески // Неделя. 1869. № 4. 12 (24) января. С. 119–123.

12. Д.П. Новые подвиги наших лондонских агитаторов // Русский вестник. 1862. Т. 41. Сентябрь. С. 425–438.

13. Иванов-Желудков В.П. Униатский агитатор // Отечественные записки. 1867. Т. 170. Кн. 1–2. Январь–Февраль. С. 516–543, 706–725.

14. Исповедь В.И. Кельсиева. Вступительные замечания // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923. С. 169–174.

15. Исповедь В.И. Кельсиева // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923. С. 175–310.

16. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 292–297.

17. Кельсиев В.И. Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. [3], IV, 351 с.

18. Кельсиев В.И. «Исповедь». Письмо В.И. Кельсиева шефу жандармов графу П.А. Шувалову. 24–25 мая 1867 г. // Литературное наследство. Кн. 41–42. М., 1941. С. 265–470.

19. Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева. СПб.: печатня В. Головина, 1868. [4], 443 с.

20. Кельсиев В.И. Предисловие // Сборник правительственных сведений о расколе. Лондон: Trübner & C°, 1860. Вып. 1. С. III–XL.
21. Кельсиев В.И. Румуны // Нива. 1871. № 1. С. 4, 6.
22. Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон: Trübner & C°, 1860. XL, 223 с.
23. Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 2. Лондон: Trübner & C°, 1861. XX, 299 с.
24. Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 3. О скопцах. Исследование о скопической ереси. Сочинение Н.И. Надеждина и др. Лондон: Trübner & C°, 1862. 392 с.
25. Кельсиев В.И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. Лондон: Trübner & C°, 1862. [2], 344 с.
26. Кельсиев, Василий Иванович // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 12.05.2025).
27. Кельсиев Василий Иванович // Деятели революционного движения в России. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Главлит, 1928. С. 162–164.
28. Кельсиев Василий Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 8: Ибак – Ключарев / издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. С. 609–611.
29. Кельсиев Иван Иванович // Деятели революционного движения в России. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2. Шестидесятые годы / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Главлит, 1928. С. 164–165.
30. Клевенский М. «Исповедь» В.И. Кельсиева. Вступительная статья и комментарии // Литературное наследство. Кн. 41–42. М., 1941. С. 253–264.
31. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам с портретами. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1908. 510, II с., 4 л. портр.
32. Лев В. В.И. Кельсиев // Нива. 1873. № 31. 6 августа. С. 481–483.
33. Михайловский Н.К. Жертва старой русской истории // Сочинения Н.К. Михайловского. Издание редакции журнала «Русское богатство». Т. 4. СПб.: Типолитография Б.М. Вольфа, 1897. С. 1–32.
34. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. 588 с.

35. Письма из Угорщины // Отечественные записки. 1867. Т. 171: Апрель, кн. 2. С. 640–669; Т. 172: Июнь, кн. 2. С. 745–762.
36. Рындыонский П.Г. В.И. Кельсиев – Герцену и Огарёву. Приложение: Письма Филарета Захаровича к В.И. Кельсиеву и Н.П. Огарёву / публ. П.Г.Рындыонского // Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарёв. [Кн.] II / АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. / ред. В.В. Виноградов (гл. ред.), И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин, М.Б. Хапченко. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 159–218.
37. Соколов Н.П. Кельсиев Василий Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 2: Г–К. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. С. 526–527.
38. Соловьев К.А. Василий Кельсиев: путь интеллигента в революцию // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 88–97.
39. Соловьев К.А. Внешнеполитическая концепция В.И. Кельсиева и попытки её практической реализации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 244–248.
40. Соловьев К.А. Общественно-политические взгляды и деятельность В.И. Кельсиева: 1835–1872: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 392 с.
41. Соловьев К.А. Предисловия В.И. Кельсиева к «Сборнику правительственных сведений о раскольниках» и народническая историография раскола // Вестник Российского государственного гуманитарного университета 2011. № 12 (74). Серия: Исторические науки. С. 38–48.
42. Стеблій Ф.І. Терлецький Іполіт // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 62–63.
43. Стеблій Ф.І. Чайковський Міхал // Енциклопедія історії України. Додатковий том. Кн. 1: А–Я / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін; НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2021. С. 705.
44. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181. doi: 10.17223/18572685/48/12
45. Суляк С.Г. Всеволод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера // Русин. 2025. № 79. С. 15–80. doi: 10.17223/18572685/79/2
46. Суляк С.Г. Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108. doi: 10.17223/18572685/74/3
47. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. doi: 10.17223/18572685/70/7
48. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Ч. 1. Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. doi: 10.17223/18572685/62/3
49. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Ч. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2021. № 63. С. 81–137. doi: 10.17223/18572685/63/6

50. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. doi: 10.17223/18572685/55/16

51. Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов (о реальной основе «некуда» и «загадочном человеке» // Неизданный Лесков. М.: Наследие, 1997. Кн. 1. (Литературное наследство. Т. 101). С. 614–637.

52. Geni. Александр Иванович Кельсиев. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2/6000000177534585827> (дата обращения: 02.05.2025).

Refereces

1. Ageeva, E.A. (2006) Goncharov [Gonchar, Ganchar] Iosif Semenovich. In: *Pravoslavnnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 12. Moscow: Pravoslavnnaya entsiklopediya. pp. 81–83.

2. Ageeva, E.A. (2013) Kelsiev Vasiliy Ivanovich. In: *Pravoslavnnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 32. Moscow: Pravoslavnnaya entsiklopediya. pp. 366–368.

3. Anon. (1895) V.K. [Vasiliy Kartsev]. Kel'siev (Vasiliy Ivanovich, 1835–72) – pisatel' [Kelsiev (Vasily Ivanovich, 1835–72) – writer]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgausa i Efrona (ESBE)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XIV. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 911–912.

4. Niva. (1872) Vasiliy Ivanovich Kel'siev (nekrolog) [Vasily Ivanovich Kelsiev (obituary)]. 16th October. pp. 667–668.

5. Vengerov, S.A. (1914) *Istochniki slovarya russkikh pisateley: v 4 t.* [Sources for the Dictionary of Russian Writers: In 4 vols]. Vol. 3. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.

6. Herzen. A.I. (1957) *Sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Collected Works in Thirty Vols]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.

7. Herzen. A.I. (1963) *Sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Collected Works in Thirty Vols]. Vol. 29(1). Moscow: USSR AS.

8. Herzen. A.I. (1964) *Sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Collected Works in Thirty Vols]. Vol. 29(2). Moscow: Nauka.

9. Grosul, V.Ya. (1973) *Rossiyskie revolyutsionery v Yugo-Vostochnoy Evrope (1859–1874 gg.)* [Russian Revolutionaries in Southeastern Europe (1859–1874)]. Chişinău: [s.n.].

10. Dostoevskiy, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Collected Works in Thirty Volumes]. Vol. 28(2). Leningrad: Nauka.

11. D.M. [Minaev, D.D.]. (1869) Zhurnal'nye arabeski [Journal Arabesques]. *Nedelya*. 12th (24th) January. pp. 119–123.

12. D.P. (1862) Novye podvigi nashikh londonskikh agitatorov [New Feats of Our London Agitators]. *Russkiy vestnik*. 41. pp. 425–438.

13. Ivanov-Zheludkov, V.P. (1867) *Uniatskiy agitator* [Uniate Agitator]. *Otechestvennye zapiski*. 170. pp. 516–543, 706–725.
14. Anon. (1923) *Ispoved' V.I. Kel'sieva. Vstupitel'nye zamechaniya* [The Confession of V.I. Kelsiev. Introductory Remarks]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Gessen]. Vol. XI. Berlin: I.V. Gessen. pp. 169–174.
15. Kelsiev, V.I. (1923) *Ispoved'* [Confession]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Gessen]. Vol. XI. Berlin: I.V. Gessen. pp. 175–310.
16. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Translated from German. Moscow: Nauka. pp. 292–297.
17. Kelsiev, V.I. (1868) *Galichina i Moldaviya. Putevye pis'ma Vasiliya Kel'sieva* [Galicia and Moldavia. Travel Letters of Vasily Kelsiev]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.
18. Kelsiev, V.I. (1941) “Ispoved.” *Pis'mo V.I. Kelsieva shefu zhandarmov grafu P.A. Shuvalovu*. 24–25 maya 1867 g. [“Confession.” A Letter from V.I. Kelsiev to the Chief of Gendarmes, Count P.A. Shuvalov. May 24–25, 1867]. *Literaturnoe nasledstvo*. 41–42. pp. 265–470.
19. Kelsiev, V.I. (1868). *Perezhitoe i peredumanno. Vospominaniya Vasiliya Kelsieva* [What Was Lived and Reconsidered. The Memoirs of Vasily Kelsiev]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina.
20. Kelsiev, V.I. (1860) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskole* [Collection of Government Reports on the Schism]. Vol. 1. London: [s.n.]. pp. V–XL.
21. Kelsiev, V.I. (1871) *Rumuny* [Romanians]. *Niva*. 1. pp. 4, 6.
22. Kelsiev, V.I. (1860) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 1. London: Trübner & C°.
23. Kelsiev, V.I. (1861) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 2. London: Trübner & C°.
24. Kelsiev, V.I. (1862a) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 4. London: Trübner & C°.
25. Kelsiev, V.I. (1862b) *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh* [Collection of Government Reports on the Schismatics]. Vol. 1. London: Trübner & C°.
26. Kelsiev, Vasily Ivanovich. (n.d.). In: *Wikipedia, the free encyclopedia*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Accessed: 12th May 2025).
27. Anon. (1928) *Kelsiev Vasiliy Ivanovich*. In: Shilov, A.A. & Karnaukhova, M.G. (eds) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia]. Vol. 1(2). Moscow: Glavlit. pp. 162–164.
28. Anon. (1897) *Kelsiev Vasiliy Ivanovich*. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkii*

biograficheskiy slovar [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 8. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. pp. 609–611.

29. Anon. (1928) Kelsiev Ivan Ivanovich. In: Shilov, A.A. & Karnaukhova, M.G. (eds) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Figures of the Revolutionary Movement in Russia]. Vol. 1(2). Moscow: Glavlit. pp. 164–165.

30. Kleveny, M. (1941) “Ispoved” V.I. Kelsieva. Vstupitel’naya stat’ya i kommentarii [The “Confession” of V.I. Kelsiev. Introductory Article and Commentary]. *Literaturnoe nasledstvo*. 41–42. pp. 253–264.

31. Lemke, M.K. (1908) *Ocherki osvoboditel’nogo dvizheniya “shestidesyatykh godov.” Po neizdannym dokumentam s portretami* [Essays on the Liberation Movement of the “Sixties”]. St. Petersburg: O.N. Popova.

32. L-ev, V. (1873) V.I. Kelsiev. *Niva*. 6th August. pp. 481–483.

33. Mikhaylovskiy, N.K. (1897) *Sochineniya N.K. Mikhailovskogo* [N.K. Mikhailovskiy’s Works]. Vol. 4. St. Petersburg: TB.M. Volf. pp. 1–32.

34. Mikhaylovskiy, N.K. (1995) *Literaturnaya kritika i vospominaniya* [Literary Criticism and Memoirs]. Moscow: Iskustvo.

35. Anon. (1867) Pis’ma iz Ugorshchiny [Letters from Hungary]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 171. pp. S. 640–669; Vol. 172. pp. 745–762.

36. Ryndzyunskiy, P.G. (1955) V.I. Kel’siev – Gertsenu i Ogarevu. Prilozhenie: Pis’ma Filareta Zakharovicha k V.I. Kel’sievu i N.P. Ogarevu [V.I. Kelsiev – To Herzen and Ogarev. Appendix: Letters of Filaret Zakharovich to V.I. Kelsiev and N.P. Ogarev]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 62. Moscow: USSR AS. pp. 159–218.

37. Sokolov, N.P. (1992) Kelsiev Vasily Ivanovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: The Great russian encyclopedia. pp. 526–527.

38. Soloviev, K.A. (2011) Vasilij Kel’siev: put’ intelligenta v revolyutsiyu [Vasily Kelsiev: An Intellectual’s Path to Revolution]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 28. pp. 88–97.

39. Soloviev, K.A. (2014) Vneshnepoliticheskaya kontseptsiya V. I. Kel’sieva i popytki ee prakticheskoy realizatsii [The Foreign Policy Concept of V.I. Kelsiev and Attempts at its Practical Implementation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2. pp. 244–248.

40. Soloviev, K.A. (2010) *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i deyatel’nost’ V.I. Kelsieva: 1835–1872* [The Socio-Political Views and Activities of V.I. Kelsiev: 1835–1872]. History Dr. Diss. Moscow.

41. Soloviev, K.A. (2011) Predisloviya V.I. Kelsieva k “Sborniku pravitel’svennykh svedeniy o raskol’nikakh” i narodnicheskaya istoriografiya raskola [V.I. Kelsiev’s Prefaces to the “Collection of Government Reports on the Schismatics” and the Populist Historiography of the Schism]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12(74). pp. 38–48.

42. Stebliy, F.I. (2013) Terlets'kiy Ipolit [Terlets'kiy Ipolyt]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 62–63.

43. Stebliy, F.I. (2021) Chaykovskiy Mikhal. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka. p. 705.

44. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus'. *Rusin*. 2(48). pp. 166–181 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/12

45. Sulyak, S.G. (2025) Vsevolod V. Krestovsky (1840–1895): Life, oeuvre, and Rusin themes in the writing of a Russian author and officer. *Rusin*. 79. pp. 15–80 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/79/2

46. Sulyak, S.G. (2023) Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm Land. *Rusin*. 74. pp. 35–108 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/3

47. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/7

48. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich and Carpathian Rus'. Part 1. Biography. *Rusin*. 62. pp. 32–49 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/62/3

49. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus'. Part 2. Carpathian Rus' in the Scholar's Scientific Legacy. *Rusin*. 63. pp. 81–137 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/63/6

50. Sulyak, S.G. (2019) On the Terminology of Carpathian Rus'. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/55/16

51. Egerton, W. (1997) Leskov, Arthur Benny i podpol'noe dvizhenie nachala 1860-kh godov (o real'noy osnove "nekuda" i "zagadochnom cheloveke") [Leskov, Arthur Benni, and the Underground Movement of the Early 1860s (On the Real Basis of "Nowhere to Go" and "The Enigmatic Man")]. In: Bogaevskaya, K.P. (ed.) *Neizdannyy Leskov* [The Unpublished Leskov]. Vol. 1. Moscow: Nasledie. pp. 614–637.

52. Geni. (n.d.). *Aleksandr Ivanovich Kelsiev*. [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2/6000000177534585827> (Accessed: 2nd May 2025).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru